

Денис
Драгунский

Почти родственники

228 рассказов и 11 писем
не только о любви

Денис Драгунский

Почти родственники

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Драгунский Д. В.

Почти родственники / Д. В. Драгунский — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-104877-8

Короткие динамичные новеллы Дениса Драгунского с неожиданной развязкой, парадоксальные заметки о литературе и жизни и письма, адресованные романтическим читательницам, помогут по-другому взглянуть на собственные проблемы, переоценить свои успехи и провалы и даже построить новые жизненные планы.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-104877-8

© Драгунский Д. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

мамина дочка	7
стеклянные двери	9
золотая молодежь	10
очень жаркий день	11
правила и нормы	12
простите, это вам приснилось	13
породное разведение	14
заметки по логике	15
заметки по логике	16
amor sacro e amor profano	17
утехи гурмана	18
старинный вальс «Осенний сон»	19
галантерейное, черт возьми, обхождение	20
не злись, не бойся, не скули	21
вопросы языкознания	22
политическая стилистика	23
женщина через сорок лет	24
холст, масло	25
соблаговолите благосклонно рассмотреть	26
прогулки по Риму	27
маковое зернышко, игольное ушко	28
опыт, внук ошибок нудных	29
позвольте поднять бокал	30
спорт и охота	31
война и победа	32
лямка и роль	33
исчезновение	34
песочные часы	35
безответственно и непродуманно	36
fachwerk	37
воспитание чувств	38
этнография и антропология	39
и долго буду тем любезен я	40
подарю тебе я тундру	41
этнография и антропология	42
театрализованное представление	43
тема с вариациями	44
дополнение к предыдущему	45
еще одно вложенное дополнение	46
там, на перекрестке	47
по поводу очень мокрого снега	48
заметки по логике	49
вот что значит настоящий верный друг	50
моральный облик и боевой дух	52
этнография и антропология	53
добру и злу внимая по возможности прилежно	54

красивое имя, высокая честь	56
вверх и вниз	57
просто хотелось дома побыть	58
живая очередь	60
принцип реальности	61
памяти патера Брауна	62
квартира машина работа семья	64
значение и смысл	65
повстречал Эдип Электру	66
рассказ моего приятеля	67
мотив социального действия	68
были Святки по старому стилю	69
там, за облаками	70
психопатология обыденной жизни	71
транскрипция	72
сцены из жизни богемы	74
базар житейской суеты	76
по закону	77
история с геологией	78
возвращаясь к предыдущему	79
поворот беседы	80
говорят, под Новый год	81
ende gut – alles gut	83
летят они в дальние страны	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Денис Драгунский

Почти родственники

© Драгунский Д. В.

© ООО «Издательство АСТ»

мамина дочка

Четверг пятница суббота

Сидоров эту неделю болел и не ходил на работу. Днем в среду он прилег вздремнуть, а часов в пять проснулся от того, что в комнате кто-то был. Он осторожно приоткрыл глаза. У книжных полок, спиной к нему, стояла молодая женщина. Блондинка со средне-миленькой фигуркой. Она водила пальцем по корешкам книг. Сидоров помотал головой: сон, наверное. Он никому не давал ключи от своей квартиры, никогда.

Но она не исчезла. Продолжала ходить по комнате, видел Сидоров из-под ресниц. Вот она стала в профиль. И личико тоже миленькое. Лет двадцать пять, самое большее. Не накрашенная. В тонких очках. На столе стояла ее сумочка.

Сидоров кашлянул. Она повернулась к нему.

– Вы кто? – спросил он как можно веселее и сбросил плед: он был в одежде, в джинсах и просторной домашней рубашке.

– Не вставайте, – сказала она и вытащила из сумки пистолет. – Закройте глаза.

Сидоров почувствовал, что он не хочет вскакивать, выбивать оружие у нее из рук, бить окно, звать соседей или милицию. Он только спросил:

– Это правда?

– Да, – сказала она.

– Обязательно сегодня?

– Нет, не обязательно, – она вытащила из сумки розовый ежедневник, ухватила ленточку закладки, раскрыла. – Ну, когда вы хотите?

– Давайте в понедельник, – сказал он.

– А почему? Я должна спросить, почему. Так полагается.

– Сегодня среда, – сказал Сидоров. – Уже не считается. Я хочу, чтоб у меня было три чистых дня. Четверг, пятница, суббота. А в воскресенье я уже буду ждать. Можно?

– Пожалуйста, – она спрятала в сумку пистолет и ежедневник. – До свидания.

И пошла к двери.

– Постойте! – крикнул Сидоров; она остановилась, обернулась. – А можно было попросить через месяц?

– Можно было, – сказала она. – Максимум сорок дней.

– А сейчас, значит, уже нельзя? – у него дыхание остановилось.

– По правилам, нельзя, – она улыбнулась. – Но для вас я могу сделать исключение. Но я вам не советую. Это будет очень тяжелый месяц. Вы начнете суетиться. Попытаться что-то доделать или переделать. Пить. Молиться. Лечиться. Уезжать далеко. Или сидеть, не шевелясь. Но ведь это ничего не меняет!

– Откуда вы такая умная? – спросил Сидоров.

– Мне мама рассказала, – простодушно ответила она.

– Мама?

– Ну да, у нас семейный бизнес. До свидания.

– Погодите, – сказал он. – Поцелуйте меня.

– Я на обед ела греческий салат, – сказала она. – От меня луком пахнет.

Сидоров обнял ее и силой поцеловал. Они сделали все, не раздеваясь, а потом побежали вниз, в кафе, хорошо поужинали, выпили вина, вернулись и снова повалились на диван, поверх пледа. Потом расстелили простынку. Сидоров задал ей жару, показал, на что способен опытный сорокалетний мужик, она визжала, стонала, шептала *спасибо спасибо спасибо*, выворачивалась так, этак и по-всякому, просила еще, преданно целовала ему грудь, живот и ниже, дро-

жала, говорила, что больше сил нет, а Сидоров потрепал ее по затылку, откинулся на подушку и поглядел в потолок.

– Тебе хорошо? – спросил более по привычке.

– Но это ничего не меняет, – сказала она. – Понедельник.

Голая встала, подошла к столу и раскрыла сумочку.

стеклянные двери

Плохой мальчик

Жил-был мальчик. Он был плохой. Он любил немного выпить, плотно закусить, чиркнуть спичкой, выпустить облачко душистого трубочного дыма и лениво оглядеться, мурлыча циничный немецкий стишок:

Nach dem Essen man muss rauchen,
Oder eine Frau gebrauchen...

Уже противно, правда?

Мальчик был богатый. Хотя родители не баловали его шмотками и карманными деньгами, он имел замечательный ресурс – роскошную по тем временам квартиру в роскошном доме с роскошным стеклянным подъездом. В котором сидел пусть не роскошный, но вполне реальный консьерж. И строго спрашивал: «Вы к кому?»

Плохой богатый мальчик, указывая на хорошую бедную девочку, говорил: «Со мной».

Консьерж распахивал дверь лифта. Просто так, подыгрывая мальчику.

Бедная девочка была, что называется, готова.

Невдомек ей было, что плохой мальчик позвал ее только лишь затем, чтобы сорвать цветы удовольствий, а также – да не покажется это странным! – мистически наказать своего скупого папу, который не покупал ему модных джинсов и почти не давал карманных денег.

«Вот ты жадный старик, – говорил в уме плохой мальчик, – ну и сиди на своих червонцах, ну и езжай с мамой и сестренкой на дачу. А я тут буду срывать цветы удовольствий, о которых тебе, жадному старику, уже и не мечтается».

Большинство знакомых плохого мальчика составляли девочки. И большинство девочек составляли бедные девочки. Плохой мальчик помнил про папашу Карамазова и его завет насчет *мовешек*. Мовешку прежде всего надобно удивить!

И она удивлялась красоте и простору плохо-мальчиковой обители, картинам, книгам, разным мелким забавкам. Вроде томика Платона по-гречески, который лежал на диване в комнате плохого мальчика, заложенный длинной трубкой загадочного мастера Янкелевича. Плохой мальчик рассказывал о различиях между Янкелевичем и «Три Би», Платоном и Плотиним, плотью и духом.

Хорошей девочке казалось, что она попала в некую сказку. Или даже как бы в кино. В экран.

Плохому мальчику казалось примерно то же самое. Он чувствовал себя *либертином*, хотя слов таких не знал и подразумеваемого маркиза не читал. Но он ощущал всем собою, как приятно властвовать и сладострастничать, ни за что не отвечая и ничего не боясь. О, восторг вседозволенности и безнаказанности! О, счастье всемогущества на крохотном пятачке пространства и куцем отрезке времени, которые, натурально, переживались как бесконечность и вечность.

золотая молодежь **Плохой мальчик – 2**

Данный плохой мальчик относился к т. н. *gilded youth*, но с некоторой натяжкой. Дело опять же в карманных деньгах и модных шмотках. Он наблюдал настоящую золотую молодежь, а с некоторой ее частью даже дружил. У этих друзей-приятелей всегда были деньги – а значит, они могли водить девочек в кафе или покупать выпивку, не отдувая табачных крошек от тусклых пятнашек. У них была модная одежда – а значит, они отлично себя чувствовали в любом публичном месте или частном сборище. Но в этом таилась их погибель!

Во-первых, эта золотая молодежь почему-то («Но почему?!» – восклицал в уме плохой мальчик) видела главную радость в обильной выпивке и самом факте сидения в кафе. Плохой же мальчик, по финансовым резонам лишенный этого, сосредоточен был на цветах удовольствий как таковых, в их первозданном виде. И с легкой насмешкой слушал рассказы о том, что *«так нажрались, так нажрались, что девки нас потом едва в такси запихнули и по домам развезли»*. Он спрашивал: а как вообще обошлись с девками? На что получал ожидаемый ответ: «Да какое там, да при чем тут, когда Эдик (Гарик) такую граппу спер у своего папы! Ух, нажрались!» Что вызывало у плохого мальчика несочувственное понимание, что золотая молодежь не там ищет радостей. Сам он, во всяком случае, говорил о себе: «Я не жрец Бахуса, я жрец Венеры!»

Во-вторых, золотая молодежь состояла не только из богатых мальчиков, но из богатых девочек тоже. Больше того: богатые мальчики были убеждены, что кадриться-романиться, а также ходить в кафе, устраивать вечеринки и заставлять себя пьяных запихивать в такси и развозить по домам, – что все это делать надо непременно с богатыми девочками. То есть с ровней. Что совершенно меняло ситуацию.

Папаша Карамазов, как мы помним, говорил, что мовешку надо перво-наперво *удивить*. Что этакий князь до нее снизошел. Но чем удивишь богатую девочку? Которая к тому же не очень хорошая, потому что отлично знает, как устроены мелкие понты типа наливать армянский коньяк в бутылку из-под «Курвуазье» – ибо ее папа так всегда делает. А мама дома курит «Яву», а в театр берет «Уинстон». Кроме того, древний стайный инстинкт не велит обижать особей одной крови. Да и особь не очень-то даст себя в обиду, потому что плохая девочка за себя постоять умеет.

В результате в смысле срывания цветов удовольствий центральная, главная часть золоченой молодежи несколько проигрывала ее маргинальной части, к коей принадлежал описываемый плохой мальчик.

очень жаркий день **Плохой мальчик – 3**

Бедные хорошие девочки влюблялись в него и были готовы на все.

Он, бывало, капризничал.

Одну из них он однажды просто выпроводил, неизвестно почему. В самый вроде бы долгожданный момент сказал: «Пожалуй, тебе лучше уйти».

Она опустила руки, опустила глаза и побрела к двери. Но позвонила с дороги, из телефона-автомата, и сказала: «Ты все равно очень хороший». Она заблуждалась. Потому что плохой мальчик был не просто плохой, а очень плохой.

Потому что через пару недель он позвонил ей и сказал: «Приезжай». Она сказала в трубку: «А ты меня снова не выгонишь?» Он сказал: «Посмотрим, поглядим...»

Она приехала. Было лето. Июль. Стояла страшная жара.

Хорошая девочка была одета во все *новое-красивое-ни-разу-не-надёванное*, плохой мальчик это сразу увидел, когда она начала раздеваться. Он даже не сказал ей: раздевайся. Она тоже ничего не сказала. Было так жарко, что говорить невозможно. Он показал рукой, пошевелил пальцами. Она разделась. Она была прекрасна и крупна, с чуть грубоватой кожей. Она была невинна. Ей было больно. Она заплакала. Потом проглотила слезы и улыбнулась. Потом плохой мальчик снова молча и неопределенно показал рукой. Она стала одеваться. Потом недолго посидела на краю дивана, ловя рассеянный взгляд плохого мальчика. Встретившись с ним глазами, она вопросительно подняла брови. Плохой мальчик кивнул и прикрыл глаза. Она встала и тихонько вышла из комнаты. Плохой мальчик слышал, как она молча стоит в прихожей. Потом она открыла дверь и вышла из квартиры. Закрыла за собой дверь, осторожно прищелкнув замок. Слышно было, как загудел лифт, поднимаясь кверху. Как она вошла в лифт, как стукнула тяжелая решетчатая дверь, как лифт поехал вниз.

Не удостоив человечество накинуть на свои чресла хоть полотенце, плохой мальчик вышел на балкон и увидел, как она выходит из подъезда, оглядывается, соображая, в какую сторону идти, а потом скрывается за углом.

Его позабавило, что они так и не сказали друг другу ни слова.

правила и нормы **Плохой мальчик – 4**

Плохого мальчика забавляло также уходить от хорошей девочки к другой – такой же хорошей – на глазах предыдущей. Он наблюдал выражения лиц.

С одной хорошей бедной девочкой он любил заниматься любовью у нее на коммунальной кухне, полутемной, огромной, в низком деревянном доме, – в то время как в углу грохочет кастрюлями слепая соседка. Девочка робела. Плохому мальчику было забавно, а значит, хорошо.

Плохой мальчик любил так подстроить, чтобы хорошая девочка осталась ночевать у его товарища, а потом сказать: «Ну, что ж, моя дорогая, успехов тебе... я не моралист, но все же верю: любовь и честь – не пустые слова, да-с, не пустые!» Девочка рыдала и клялась, что ничего, ну вот ничегошеньки не было – но плохой мальчик пожимал плечами, поворачивался и уходил, в душе хохоча инфернальным смехом.

Данный плохой мальчик был, однако же, не совсем плохим. Смешно сказать, но и у него были свои моральные принципы и запреты, если так можно выразиться касательно этого аморального типа.

Например, он никогда не *заставлял* хороших девочек что-нибудь делать для себя – начиная от самих удовольствий и кончая какими-то услугами, какими-то передвижениями предметов в пространстве. Не напирал, не давил авторитетом, не уламывал настырными уговорами и, уж конечно, не пугал, не кричал, не махал кулаками, не обзывал плохими словами и не угрожал ужасными последствиями неповиновения. Фу, какая гадость!

Если он и сводил со своими приятелями хороших девочек, то делал это под соусом полной добровольности, собственного их желания или рокового стечения обстоятельств. Но никогда не шантажировал хороших девочек, не говорил: «А то все про всё узнают...» Фу, какая подлость!

Он никогда не обманывал хороших девочек в том смысле, что не объяснялся в любви, не обещал жениться и вообще ничего не сулил. Фу, какая пошлость! Вообще же плохого мальчика нельзя было поймать за язык. Сказать: «Но ты же говорил мне!»

И уж конечно, он никогда не издевался над чувствами хороших девочек в прямой и неприкрытой форме. Например, не ел яблоко, глядя в окно, покуда хорошая девочка дарит ему свою любовь. Фу, какая низость! Самое низостное, на что он был способен, – описанное в предыдущем параграфе свидание без единого слова.

Впрочем, и этот случай объяснялся просто – встречи с хорошей девочкой происходили на фоне отношений с *другой* девочкой (довольно, кстати, неважнецкой), на фоне взлетов и падений *другого*, утомительного и обидного романа.

Такой вот он был, плохой мальчик в слегка уточненной версии.

простите, это вам приснилось

Плохой мальчик – 5

Сказанное выше, разумеется, не означает, что все как одна хорошие бедные девочки были такие вот, готовые безоглядно отдаться плохому мальчику под гипнозом его (на самом деле не его, а родительского!) житейского антуража и якобы изысканных манер.

Нет, конечно же! Но плохой мальчик выбирал себе именно таких. И думал, что всегда так будет. Всегда будет несколько влюбленных мовешек, а он знай себе будет тыкать пальцем: «Сегодня – ты. Если будешь хорошо себя вести». Ну, не прямо вот так, открытым текстом, но смысл все равно такой.

В общем, плохой мальчик воспринимал хорошую девочку как функцию, как роль, как лужайку, на которой можно резвиться, срывая цветы удовольствий.

Но при этом сам нечувствительно, но опасно для своей души превращался в точно такую же функцию, роль и лужайку. В декорацию.

Тому были подтверждения. Однажды плохой мальчик подслушал разговор о себе. Одна хорошая девочка спросила другую, тоже хорошую:

– Говорят, тебя видели с ПМ, правда?

– Правда.

– Ты у него была?

– Была.

– Он тебе нравится?

– Не знаю, – ответила хорошая девочка хорошей девочке. – Что значит *нравится*?

– Ну, в смысле влюбилась?

– Да ты что... Так, просто как будто в театре побывала, и все.

Плохой мальчик понял, что он тоже, оказывается, был актером в чужом спектакле. Кусочком фантазий хорошей бедной девочки. А не господином момента, владыкой вечности и повелителем чувств.

Проще говоря, он снился хорошей девочке.

Он был не он, а ее сон.

Потому что ей нужно было не только изящество манер и красота обстановки. Ей зачем-то нужны были слезы и расставания. Обида и отчаяние. Одиночество и стыд.

И она сновидела плохого мальчика – вот таким.

А он с бездумной готовностью сновиделся.

Ну, а потом пришли плохие (в том числе богатые) девочки и навешали плохому мальчику по первое число.

– За что? – спрашивал он, пытаясь увернуться.

– А за то, что играл всякие глупые роли! – беспощадно отвечали плохие девочки.

Превратился ли он в хорошего мальчика?

Не знаю. Но он стал как-то внимательнее к людям. В том числе и к себе. Научился отличать свой сон от чужой яви. И наоборот.

И это уже кое-что.

породное разведение **Дамочка с собакой**

– Прости. Не надо, – сказала Анна Сергеевна, когда он взялся за застёжку на юбке.

Хотя они уже полчаса обнимались, сидя на диване в ее квартире.

А до этого целый час сидели в кафе напротив.

Получилось, что он специально догулял ее почти до дома. Он знал, где она живет. Знал, что она живет одна. Она сама рассказывала.

Потому что до этого они два месяца встречались, ходили по улицам, заходили в разные места попить кофе. Сначала рядом. Потом под руку. Потом за руку, мучая друг другу пальцы. Целовались – сначала при прощании, легко. Потом по-настоящему. Но все никак не решались.

Ему почему-то было трудно.

Анна Сергеевна была очень хороша. Даже странно, что не замужем. Ах, да. Собака. Вернее, собаки. У нее с детства была какая-нибудь псина. От простой овчарки в девятом классе до дорожной мастинихи сейчас. До этого была ротвейлерша, очень хорошая. Она держала сук и продавала щенков. Не только для денег. Ей нравилось. А мужчинам – нет. Она простодушно рассказывала, как ей сделал предложение богатый человек, заводчик бразильских фил. Она не захотела. Было что-то деловое. «Вот беда, – смеялась она. – Одни от меня бегали из-за собаки, другой ко мне прибежал из-за собаки... Ты ведь не такой? Ты не боишься собак? И не разводишь собак? Честно?»

Дмитрий Дмитриевич был обыкновенный немолодой дяденька.

– Что с тобой? – спросил он, стараясь быть ласковым и терпеливым.

– Прости, – сказала она. – Давай не сегодня, ладно? Ты понимаешь?

Она виновато улыбнулась, взяла его руку со своей талии и поцеловала в ладонь. Он чуть стиснул ее лицо.

– Не сердись? – шептала она. – Я, конечно, могла сказать раньше, но было бы жутко пошло.

– Не переживай, – сказал он. – Все нормально.

Ему вдруг стало удивительно легко.

Пора было идти. Она открыла дверь кухни. Толстая мастиниха лежала на полу, глядела красными глазами.

– Нэсси, попрощайся с Дмитрием Дмитриевичем!

Собака тяжело встала, он погладил ее шелковистые уши.

Вышел из подъезда, сбежал со ступенек. «Глупо и смешно, – подумал, а может, и вслух проговорил он. – *Но зато я не изменил жене!*»

Он уселся в левое такси, сказал веселому таджику свой адрес. Тот лихо взял с места. Старая машина дребезжала. На перекрестке замигал желтый.

– Прорвемся! – крикнул таджик и газанул.

Дмитрий Дмитриевич зажмурился. Потом открыл глаза. В светлом тумане летела собака Нэсси. У нее были крылья. Анна Сергеевна летела рядом.

– Можно я с вами? – спросил он.

– Нельзя, – сказала она и исчезла.

заметки по логике

Контрольно-следовая полоса

А что такое измена? Чем же этот Дмитрий Дмитриевич с ней занимался два месяца? Неужели измена – это только прямой и непосредственный секс?

Конечно же нет. Особенно с точки зрения умных и тонко чувствующих людей.

Хотя есть другие люди, которые считают: да, измена – это постель. Прочее же – так, на грани дозволенного. Знаете, их тоже можно понять. Потому что граница нужна: «Вот это измена, а это – нет». Иначе придется считать, что всякий, кто глядит на женщину с вождедением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем. То есть изменял своей жене (это же, в наш век равноправия полов, мы должны применить и к женщине: глядела на мужчину с разными чувствами и мыслями – изменяла).

Но тогда получается совсем смешно: если всё (любой взгляд) – уже измена, то граница начинает ездить туда-сюда – и становится нетрудно доказать обратное. Убедить себя и окружающих, что *в некоторых обстоятельствах* прямой непосредственный секс не является изменой.

Мы знаем, что такое абсолютно лысый человек. Тот, у которого нет ни волосинки. Но что такое абсолютно лохматый – непонятно. Ясно, что такое развратный человек. Тот, который беспорядочно занимается сексом с кем попало. Но неясно, что такое целомудренный человек. Потому что нельзя доказать, что его ни разу не посещала какая-нибудь шаловливая мыслишка.

Нет четкой грани между лысым и плешивым, плешивым и редковолосым, пышношевелюрным, заросшим до бровей. Хотя по краям все вроде понятно – лысый и волосатый. Но! Где тот волосок (десять, сто, триста волосков), выпадение которого превращает *лысеющего* в безоговорочно *лысого*?

Мужчина (или женщина) расстался(лась) со своей подругой(другом). И через год встретил(а) другую(ого). Сошелся(лась) с ней(ним). Это в порядке вещей, нормально, обычно, привычно.

Хорошо. А через полгода? Тоже вроде ничего. А через три месяца? Пусть. И через два пусть. И даже через месяц – тоже пусть. А вот назавтра? Или через полчаса?

Где граница?

В наших осуждениях и самоутешениях, вот где.

«Ей же, Господи, Царю! Даруй ми, грешному, зрети своя прегрешения и не осуждать брата...» (с) преп. Ефрем Сирин.

заметки по логике

Истина и метод

Итак, границу между изменой и не-изменой мы устанавливаем сами. «По месту», как говорят деревенские плотники.

Case study. Вроде про другое, но на самом деле – про то же самое.

Мой старый товарищ, эмигрировавший довольно давно, рассказывал о своих успехах в Америке. Он говорил мне: «Я журналист, работаю по специальности; у меня дом в центре Вашингтона, из окон виден Капитолий; у меня в гостях собираются русские интеллектуалы и бизнесмены». Красиво, даже немножко завидно. Умеют же люди устраиваться. Правда, у него блестящий английский и он очень общительный человек.

Оказавшись в США, приезжаю к нему в гости.

Ужасающий район. Мотоциклы, помойки, шпана. Один дом рядом заколочен, другой – обгорел и тоже пустой. Дом сам по себе крохотен, душен, сыр и неудобен. Таунхаус. То есть дом – лишь потому, что не квартира, не «апартамент». Капитолий действительно в окне сияет. Что да, то да. Южный склон холма – самый плохой (черный, пардон!) район. Работает человек в какой-то служебной многотиражке, редактирует должностные инструкции. Видел я, наконец, этих интеллектуалов и бизнесменов: несчастные люди. Хотя формально среди них есть и преподаватели, и предприниматели.

Вот и вопрос, господа читатели и писатели, студенты и аспиранты, доктора и фельдшеры, леди и гамильтоны: насколько истинным (или ложным) является утверждение «*Я журналист, работаю по специальности; у меня дом в центре Вашингтона, из окон виден Капитолий; у меня в гостях собираются русские интеллектуалы и бизнесмены*».

Ни слова неправды. Но каждое слово – вранье.

«Если это так, значит, это так, даже если потом все люди станут говорить, что это не так!» (*G. Frege, Grundgesetze der Arithmetik {Paul's Ausgabe, Jena, 1893}. Vorwort, S. XVI*)

Однако ведь станут говорить... Смеяться будут...

amor sacro e amor profano

Хоть часочек

Есть знаменитая картина Тициана «Любовь Земная и Любовь Небесная». Интересно, что Небесная Любовь – обнаженная, а Земная – одета в платье. Только цвет оборки у одетой и цвет ленты у обнаженной объединяет их. А также очень похожие лица. Я бы даже сказал, одно лицо.

Настоящая (она же Большая) любовь похожа на родину эмигрантов. Она всегда *была*. Она есть кусок прошлого, который носят на груди в заветных ладанках и о котором сочиняют стихи навзрыд. Нужна *разлука*: без нее нет ни любви, ни родины. Родина здесь и сейчас – это пошлый пыльный городок, работа-зарплата. Любовь здесь и сейчас – комок быта и секса, привычки и злости, вечной привязанности и вечного недовольства судьбой. Зато потом – потом-потом-потом! – это становится Любовью (или Родиной). С очень-очень Большой Буквы.

Но это слишком трагично.

Как я назову свое переживание – мое дело. Имею право. Конечно, по поводу моего чувства кто-то другой (третья сторона, как говорят юристы) может чувствовать по-своему. И тоже будет в своем праве. Но поглядите: в петровском воинском уставе сказано: «Солдат есть имя общее, знаменитое. Солдатом называется первый генерал и последний рядовой». То же – без долгих рассуждений – я скажу и о любви. Все ее проявления – и самые легкие и нежные, безответственно детские и радостные, взрослые, глубоко-многосторонние и серьезные, и самые трагичные, и реализованные, и нет, и утонченный секс, и грубая духовность, и что вы только хотите, включая полнейшую дрянь и грязь, – это все она, она, она. Эрос. Который, по меткой записи тов. Сталина на книжке М. Горького, побеждает Танатос.

Почему? По трем причинам. Первая – общефилософская. Любовь существует в своих проявлениях, и никак иначе. Другого способа пока не придумано. Хоть я и любитель Платона, мне слабо верится, что где-то там, в занебесье идеалов, положится *Большая Любовь Как Таковая*, и ею можно полюбоваться и использовать ее как мерку.

Вторая причина – скорее гуманитарная, правозащитная. Если человек считает свои чувства любовью – значит, так тому и быть. Нельзя человеку в этом отказать. Мне жалко блудниц и блудников, что любовь повернулась к ним (или они ее развернули к себе) вот этаким образом. Но они любили. Хоть часочек. Бог любви и над ними простер свои крыла – ну, а какое перышко из этих крыл выпало, это уж как получилось...

И наконец. Хороши бы мы были, если бы говорили себе: то, что сейчас переживаю, мое стремление и восторг, мое желание и моя нежность – это не любовь, это гормональные процессы плюс культурная коррекция. Мне так не нравится.

утехи гурмана

Чай и кофе

Когда я первый раз приехал в Америку, меня особенно поразил чай. Точнее говоря, тот факт, что его подавали в пакетиках. Ну, в дешевых кафе, в офисе, в студенческой компании – это понятно. Но даже в приличном ресторане приносили чашку с кипятком, в которой болтался, закрашивая воду рыжим цветом, пакетик на шнурке. Я очень любил хорошо заваренный чай, и мне казалось, что пакетики – это неправильно.

Но вот однажды я попал в очень дорогое место. Там официанты были в смокингах. И многие гости тоже – ну просто чистый Честертон.

В меню я увидел: «Чай – 6 долларов». Ого, думаю, вот это да. Вот тут мне принесут человеческий чай, за такие-то деньги.

Заказываю. Официант спрашивает:

– Зеленый, черный, травяной?

Вот, думаю, серьезное место, серьезные люди.

– Черный.

Пообедали. Вижу, чай несут. Поднос, закрытый белой салфеткой.

Официант ставит поднос, медленно откидывает салфетку. На свет появляется сверкающий серебром чайничек. Потом – красивая фарфоровая чашка. И наконец – квадратная фарфоровая плошка. А в ней – пакетик чая.

Официант изящным движением опускает пакетик в чашку и льет туда кипяток из серебряного чайника.

На родине, впрочем, видел картинку не слабее.

Кафе. Приятный полумрак. Из дальнего угла доносится кофейный запах. Подхожу. Чашечки. Джезвы (они же турки) с длинными ручками. Поднос с раскаленными углями. Лоток с горячим песком. Просто грезы Востока. Бармен спрашивает:

– Вам кофе на песке? Или на углях?

– На углях! – говорю после некоторого раздумья. Потому что кофе на песке пил не раз. А вот на углях не приходилось.

Бармен берет джезву, ставит ее на угли. Через полминуты снимает. Ставит на барьер. Берет чайную ложку. Зачерпывает растворимый кофе из банки. Сыплет его в джезву. Размешивает там. Потом выливает этот *кофе на углях* в чашку и подает мне.

старинный вальс «Осенний сон»

Трудности перевода

Лет десять-пятнадцать назад рассказывала одна замечательная киноактриса: «Утром принарядилась, подкрасилась, выхожу из дому. Уйма дел, опаздываю, нужно такси. Долго не могу поймать машину. Наконец останавливается старая разбитая „Волга“. Водитель – такой же скрипучий старик. Едем, он что-то бормочет, косится на меня. Вздыхает. И говорит:

– Что, мать, не снимают тебя совсем?

Боже! Он меня узнал! Мало этого – он смотрит кино, он смотрит нынешние кошмарные картины, и он заметил, что меня там нет! Я растрогана почти до слез. Первое желание – пожаловаться на ужасную актерскую судьбу в эти безумные годы. Но странная корпоративная гордость вдруг поднимается во мне. Мне хочется защитить наше кино, несмотря ни на что.

Я говорю:

– Да, правда. Почти не снимают. Но надо понять ситуацию. Сейчас старое производство сломано, новое еще не налажено. Плюс к тому огромные финансовые трудности.

Он по-доброму так улыбается:

– При чем тут финансы, производство... Ты бы, мать, на себя посмотрела – ну *кто тебя снимет?* Кто тебе сто баксов даст?»

галантерейное, черт возьми, обхождение **Тонкости обращения**

Один знакомый профессор очень возмутился, когда получал письма с обращением «Уважаемый Сергей Николаевич».

– Фу! Хамство какое! – ворчал он. – Это в трактире половому так говорят: «Послушай-ка, уважаемый!» Надо говорить и писать «глубокоуважаемый».

– Глубокоуважаемый шкаф? – смеялся я.

– Ничего смешного! – говорил профессор. – Можно также «многоуважаемый», «высокоуважаемый». Но просто «уважаемый» – нельзя. Грубовато.

Тоже, кстати, проблема.

Как обращаться?

Dear, lieber, cher в Европе и Америке принято за нейтральное обращение; у нас же в слове «дорогой» читается некая избыточная теплота. А «высокоуважаемый» – действительно, слишком уж надут.

Ориентироваться на старинную русскую традицию титулования?

Тогда придется запомнить, что «высокородие» выше, чем «высокоблагородие». Это довольно трудно понять и принять. Чисто фонетически.

У нас иногда обращаются к президенту «ваше превосходительство». Тем самым умаляя его достоинство. Ибо так обращаться следует к чинам IV и III классов – действительному статскому советнику и тайному советнику.

А вот чины II и I классов – действительный тайный советник и канцлер – титулуются «ваше высокопревосходительство».

Почувствуйте разницу.

Хотя в конечном итоге все зависит от человека.

Мой приятель брал интервью у ныне покойного митрополита Питирима (в миру К. В. Нечаева).

Он спросил:

– Простите, как мне к вам обращаться? Ваше Высокопреосвященство? Владыка? Отец Питирим?

– Константин Владимирович, – был ответ.

По-моему, великолепно.

не злись, не бойся, не скули Школа

В начале жизни школу помню я. Это было довольно мрачное заведение. Небольшой трехэтажный дом на углу Воздвиженки и Большого Кисловского (тогда – на углу ул. Калинина и ул. Семашко). Сейчас там Институт языкознания. А школа переехала на Средний Кисловский.

На переменах мы гуляли в темноватом зале. Мы ходили по кругу, парами – мальчик с девочкой, – взявшись за руки. В середине круга стояла учительница Вера Васильевна, хмурая, в темно-синем пиджачном костюме и сержантских ботинках. Если кто-то нарушал дисциплину (например, нарочно приволакивал ногу, изображая хромого), Вера Васильевна выхватывала его из круга и ставила с собою рядом. За перемену таких набиралось человека три-четыре.

На большой перемене мы шли в буфет. Вера Васильевна дожидалась, когда первоклассник откусит хороший кусок пирога с повидлом, подходила к нему и гневно спрашивала:

– Как ты смеешь разговаривать с учителем с набитым ртом?

Первоклассник мычал и давился.

– К завучу отведу! – торжествовала она.

Сейчас я понимаю, что она была несчастным человеком. Но тогда я просто радовался, что она не наша учительница.

Нашу учительницу звали Раиса Ивановна. Она была незлая и очень веселая.

– Здорово, кретины! – приветствовала она нас, входя. – Привет, бандиты!

– Здравсьте, Раисванна! – хором кричали мы, хлопая крышками парт.

– Вчера проверяю тетрадки, – она шумно садилась за стол, – и вдруг клоп из пачки вылезает! Признавайтесь, чей?!

– Наверное, мой, – вздыхал Петров. – Мы их морим, а они от соседей ползут...

Раиса Ивановна хохотала:

– Молодец, Петров! Честный! Настоящий октябренок!

Мы писали, макая перо в фаянсовые чернильницы, которые стояли у нас на партах.

Однажды моя чернильница опустела.

Я поднял руку:

– Раиса Иванна, у меня чернила кончились.

– *Пиши соплями!* – сказала Раиса Ивановна и посмотрела на меня холодным и веселым взглядом долгана, который закапывает в снег новорожденных щенков. Кто выкопается – продолжит род знаменитых долганских собак-зверогонов.

Я догадался, что надо отлить чернил у соседа сзади.

Я не стал зверогоном. Но с тех пор не люблю просить о помощи.

вопросы языкознания

Школа – 2

У нас был ученик Саша Смorchков. Он пришел в класс чуть позже – в октябре. Кажется, они переехали из другого города. Помню, на урок его привел отец – точно такой же скуластый, круглоносый и стриженный под бокс.

– Раиса Ивановна! – сказал он, указывая на сына. – В случае чего вы его бейте! Вот как отец вам поручаю, честное слово говорю: бейте, бейте!

У него получалось «*бейтя, бейтя!*» Он прикладывал широкую ладонь к сердцу.

Потом он ушел. А Саша остался стоять у учительского стола.

– Смorchков, значит? – спросила Раиса Иванна. – Будем тебя звать Смorchок! Привыкай. Не бойся, бить не буду. Иди, Смorchок, на место.

Учился Саша Смorchков очень так себе. Чтение освоил с трудом. И никак не мог понять разницу между гласными и согласными.

– Гласные можно тянуть, – в сотый раз повторяла Раиса Иванна, – а согласные – нельзя. Вот, слушай, Смorchок. А-а-а-а-а! О-о-о-о! Ы-ы-ы-ы-ы! Но – ф! р! ж! Понял?

– Не-а... – говорил Смorchок.

– Ну давай сам. А-а-а-а-а! Э-э-э-э-э!

– А-а-а-а-а! – повторял он. – Э-э-э-э-э!

– А теперь: ф! р! м!

– Ф-ф-ф-ф-ф... Р-р-р-р-р-р! М-м-м-м-м... – говорил он.

– Идиот! – кричала Раиса Иванна.

– Ж-ж-ж-ж-ж! – робко говорил Смorchок. – Л-л-л-л-л! З-з-з-з-з-з. Х-х-х-х-х. Ш-ш-ш-ш.

Он долго так жужжал, шипел и пыхтел. Мы хохотали.

Потом его перевели в другую школу. «Для особо одаренных», как пошутила Раиса Иванна. Но мы-то поняли – в школу для дураков.

А потом, на филфаке МГУ, слушая лекции по фонетике профессора М. В. Панова, а также по общему языкознанию профессора Ю. С. Степанова, я узнал, что Смorchок был прав.

политическая стилистика

Школа – 3

Другая школа была совсем другая. Огромная, красивая, высокие потолки, внутренняя парадная лестница с первого этажа на второй. На третьем этаже – учительская, куда надо было подняться еще по одной двукрылой лестнице с полированными пузатыми балясинами. Своего рода трибуна. Перед нею – квадратный зал с мемориальной доской и портретами павших на войне выпускников. Каждый пионерский отряд был имени кого-то из них. Наш – имени Михаила Сырнева. К нам на отрядные сборы приходили старик и старушка – *его родители!* С ума сойти можно.

Школа была бывшая гимназия (открыта в 1858 году), до тридцать седьмого года называлась 25-я Образцовая. Учились дети всей госпартверхушки, начиная со Светланы и Василия Сталиных. Плюс Марфа Пешкова и вообще кто хотите.

Но потом школа стала самая обыкновенная, даже не английская. Все ребята – по району.

Осколком прошлых лет была директриса (забыл, как звали). Высокая, худая, с рыжими крашеными волосами, в кружевной шали. Говорила гулким педагогическим голосом. Однажды она заменяла у нас какую-то заболевшую учительницу.

Спросила:

– Кто была Надежда Константиновна Крупская?

Я быстрее всех сказал:

– Жена Ленина!

– У дяди твоего *жена!* – возмутилась она и задекларировала: – Товарищ Крупская была выдающимся деятелем революции, основателем советской системы образования, *другом и соратником* вождя трудящихся всего мира товарища Ленина!

До 5 класса у нас была учительница Лидия Сергеевна, тоже с гулким голосом. У нее были свои представления о плохих словах. Например, мы выискивали однокоренные слова. «Работать» – рабочий, работа, заработок. Кто-то сказал: раб.

– Это плохое слово, дети! – сказала Лидия Сергеевна. – У нас в СССР нет рабов!

А когда Вова Б. на слово «висеть» предложил «виселица», гневу ее не было предела. Тем более что Вова недавно побывал в Польше (отец – дипломат).

– По заграницам наездился! – кричала она. – *Насмотрелся!*

На перемене мы обступили Вову.

– А ты правда за границей видел, как на виселице вешают?

– Дура она, – мрачно сказал он.

женщина через сорок лет

Школа – 4

Лидия Сергеевна любила беседовать с нами на разные внеурочные темы.

Вот, например, читаем мы Некрасова. Как Мороз-Воевода хвастается:

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро!

Она начинает спрашивать, у кого сколько в семье зарабатывают, кому что когда покупают. «Значит, ваши родители *считают казну!*» – говорит, подняв палец. В общем, подводит нас к мысли о планировании семейного бюджета. Что, конечно, мудро. Хотя скучно и немножко обидно.

Иногда выходило смешно.

Однажды Лидия Сергеевна – уж не помню, к чему – рассказывала:

– Как мы едим? Мы помещаем в рот пищу, измельчаем ее зубами, смачиваем слюной и глотаем...

Одна девочка вскрикнула:

– Ой! А я не смачиваю! Я прямо так глотаю!

Как-то Лидия Сергеевна сказала своим красивым голосом:

– Дети, сейчас шестьдесят первый год! Пройдет сорок лет, и наступит двадцать первый век! Представляете себе, как повезло вашему поколению? Вы увидите не только новый век, но и новое тысячелетие! – Мы прямо замерли от восторга, а она продолжала: – Да, дети, вы будете уже не молодыми людьми, но и не старыми. Вам будет по пятьдесят лет. Можно сказать: целых пятьдесят! А можно сказать: всего пятьдесят! Пора зрелости и опыта, мудрости и силы... – и так далее, и тому подобное.

Вдруг Аня Ганыкина руку тянет, просто на месте усидеть не может.

Лидия Сергеевна ей кивает.

Она встает и победно глядит на остальных девчонок:

– А мне будет *сорок девять!*

холст, масло

Школа – 5

Не все мои одноклассники живы до сих пор. Уже, наверное, лет пятнадцать назад умер Ваня Лактионов, талантливый гитарист. Мы дружили с третьего класса до десятого и еще прихватили пару лет. Ваня научил меня конопатить аквариумы «менделеевской замазкой» – мы с ним оба увлекались рыбками. Его отец, Александр Иванович, был знаменитый живописец. Я часто бывал у них дома, в огромной квартире на улице Горького, где было много комнат и детей, и там же – в самой большой комнате – мастерская Александра Ивановича.

Он был хороший художник, хотя было принято шутить над его стилем. У него красивый свет. И полный порядок с линейной, воздушной и какой хотите перспективой. Просто он родился не вовремя. Жил бы он в Делфте в XVII веке – был бы не слабее Вермеера. И еще он был добрый, милый и доступный человек. Не было в нем академической спеси.

Он писал пиджак дольше, чем лицо, потому что – он говорил это мне – для него равно драгоценен каждый квадратный миллиметр холста. У него на манекене часто висели пиджаки с орденами и лауреатскими медалями разных советских важных персон, ударников труда или старых большевиков. Однажды и пиджак Брежнева, настоящий, синий, с геройскими звездочками, там побывал. И этот пиджак надевал на себя наш с Ваней одноклассник, высокий и полноватый (тоже теперь уже покойный) Сережа Зазуля (через «а»). И стоял, как Брежнев, перед Александром Ивановичем. А Александр Иванович, оперев запястье о муштабель, как старый голландец, выписывал ворсинки и обметку петель.

Детей у Лактионовых было много. Старшая Света жила отдельно с мужем. А в квартире, кроме отца и матери, Ольги Николаевны, жили: (по старшинству) Сережа, Алеша, Маша, мой одноклассник Ваня и младшая Оля. И Машин пятилетний сын, тоже Алеша. Старший Алеша был художник-абстракционист. Александр Иванович очень огорчился и говорил мне: «Пойми же, это не искусство!» Маша тоже была художница. Студентка Суриковского института. Очень красивая. Я, восьмиклассник, смотрел на нее, боясь мечтать.

соблаговолите благосклонно рассмотреть **Тонкости обращения – 2**

В старину было страшное дамское преступление: *манкировать контрвизитом*.

Что у нас сейчас по части этикета?

Есть вещи элементарные, но которые слегка подзабылись.

Например.

Мужчину всегда представляют женщине. «Познакомься, это Иван Иванович». Исключения делаются лишь в двух случаях. Когда мужчина старше женщины на два поколения, то есть несомненно и очевидно годится ей в дедушки. Получается, не менее, чем на сорок лет старше... И если мужчина – глава государства (именно *государства*, а не правительства, парламента или верховного суда) или член царствующего дома. Впрочем, это не столь актуально. Хотя мне случалось видеть дам, которые на светских вечерах вставали навстречу министру или даже замминистра. Это неправильно.

Настоятельно рекомендуется назавтра позвонить человеку, у которого были в гостях. Поблагодарить за приятный вечер.

Если вас приглашают в гости через третье лицо или если вы в этом доме в первый раз – рекомендуется костюм. Разумеется, если нет особых указаний на летне-шашлычный характер мероприятия.

Если вы закуриваете трубку или сигару даже в сильно курящем обществе, следует попросить позволения.

Если собралась уж совсем веселая компания (на даче, скажем) и вы решили прогуляться со своей новой знакомой на чердак с известными целями – необходимо попросить разрешения у хозяина дома. Так сказать, уведомить в форме просьбы.

Ни в коем случае нельзя прихорашиваться на улице! Тем более поправлять прическу или шляпу, глядя в витринное стекло.

Да, и самое главное.

Не просите соседа передать вам салат или вино! На это есть лакеи!

прогулки по Риму **Тонкости обращения – 3**

...В Италии был? В Риме был? Не был? Ну ты даешь! Ну ты темнота! В Риме каждый культурный человек должен побывать! Всё, всё, всё, никаких разговоров! Никаких Мальдивов, никаких Канаров, едем в Рим! Как то есть зачем? Это ж Рим, ты что! Обалдеешь! Колонны всякие, храмы, фонтаны, умереть. Ну, рестораны тоже, тоже... И девочки тоже, обязательно. В Риме всё есть!

Я тебя там с людьми познакомлю... Серьезные люди. Я тебя, если хочешь знать, с самым главным познакомлю. Он их всех вот так держит! Ух! Не пикнешь! А из себя такой вроде тихий, пожилой, в халатике... Но крутой! Страшное дело.

С ним надо очень вежливо. Слушай и запоминай. Никаких там «батьа», «пахан» и все такое. Ни-ни! Строго вот так: *papa*...

Один мой знакомый получил аудиенцию у папы римского. Встречают его, ведут по всяким лестницам и коридорам, вводят в маленький уютный зал. Там еще человек десять, таких, как он. Удостоенных.

Кругом кардиналы толпятся. Вот кто-то кашлянул: идет!

Через распахнутые двери два кардинала под руки вводят папу.

Все выстраиваются посередине зала.

Папа к каждому подходит.

Мой знакомый первым стоял.

Папа ему говорит:

– Здравствуйте!

Тот говорит:

– Здравствуйте, ваше святейшество. Я такой-то, из Москвы.

– Очень приятно, – говорит папа. – Как дела? Неплохо, надеюсь?

И, не дождавшись ответа, переходит к следующему. Потом к третьему, пятому, десятому.

Мой товарищ повертел головой – а папы уже нет.

Он спрашивает какого-то кардинала:

– Пардон, а когда начнется аудиенция?

Кардинал говорит:

– Всё.

маковое зернышко, игольное ушко **Не разобраться**

В метро, в переходе с «Театральной» на «Охотный Ряд», стояла юная женщина с бледным лицом. У нее на руках был грудной младенец. К одеяльцу была пришпилена надпись: «Люди добрые! Помогите выжить!» Так она стояла года четыре. Или шесть. Младенец все эти годы оставался грудным. Думаю, он и сейчас грудной.

Что у нее в голове? В смысле, в сердце?

А что в сердце у человека, меняющего ночлеги каждый день, но не потому, что он нищий бродяга, а потому что настолько богат, что искренне боится убийц – вот сейчас они влезут в окно, со своими толстоствольными заглушенными винтовками... птю-ю! птю-ю!.. и поэтому лучше поспать в самолете.

Есть люди, которые говорят, что *отлично разбираются в людях*. Может, это и в самом деле так – просто превосходно разбираются, прямо-таки на три метра под человеком видят.

Клавдий Элиан в своих «Пестрых рассказах» приводит такой случай.

Александру Македонскому привели человека, который до того наострился, что с трех шагов попадал маковым зернышком в игольное ушко. Он продемонстрировал великому царю свое умение и спросил, чем царь вознаградит его. Александр Македонский, подумав немного, приказал подарить ему мешок мака и сундучок иголок, и прибавил: «Упражняйся и далее в своем прекрасном искусстве, о благородный метатель маковых зерен в игольные уши!»

Подобные слова сказал бы я тому, кто совершенным образом разбирается в людях. «Иди на стадион в день матча „Спартак“ – „Арсенал“, – сказал бы я, – крути головой и рассматривай публику...»

Ибо человек, который *отлично разбирается в людях*, отнял у себя возможность общаться свободно. Простодушно, эмоционально и отчасти непредсказуемо. Иначе – сплошной практикum по психодиагностике. Тупая проницательность, заслоняющая жизнь.

Так что лучше жить, не шибко разбираясь в людях, изумляясь их глупости, черствости, неблагодарности, жадности – а также их уму, отзывчивости, ласке и щедрости.

опыт, внук ошибок нудных **Первоклассная философия**

Стать взрослым – войти в мир недоступных взрослых удовольствий. Это приятно само по себе, как любой запретный плод. Хорошо. Нас, детей, привлекает недоступность. А что в этом находят взрослые? Неужели в запретном плоде сладка только его запретность? Нет, это действительно, это на самом деле очень приятно.

Стоит только внимательно посмотреть, как взрослый, предвкушающе сглатывая слюну, наливает прозрачную водку в хрустальную стопку, подцепляет маринованный гриб, осыпанный волосками укропа и родинками перчинок, лихо выпивает, аппетитно закусывает, а потом, откинувшись на стуле, разминает и продувает папиросу, закуривает и, затуманив глаза, пускает в потолок струю душистого дыма, – все становится ясно.

Взрослые упоенно предаются наслаждениям. Курят, пьют вино, играют в карты; ходят в кино на вечерние сеансы и смотрят телевизор до упора; читают в кровати перед сном и утром тоже; купаются в речке или в море, сколько влезет; зимой выходят на улицу без шапки; объедаются сладким, соленым, жирным и пряным; носят в карманах острые перочинные ножики и зажигалки – в общем, делают все, что *детям нельзя, потому что вредно и опасно*.

Кроме того, они разнополо-однопоколенно целуются и разнополо-однопоколенно спят в одной постели, что тоже *детям нельзя, потому что неприлично*.

Так мы и поверили в их альтруизм и морализм! Они просто охраняют от нас свою зону наслаждений – точно так же и мы в свои семь-восемь лет не берем в игру (в прятки или в «сыщики и воры») тех сопляков, кому по возрасту положено лепить куличи в песочнице.

Вот я уже почти старик, а взрослым все равно не верю.

позвольте поднять бокал **Тонкости обращения – 4**

Сидим с приятелями Сашей и Андреем вокруг бутылки водки. Нам около шестнадцати. Саша помладше, Андрей постарше. Я посередине. Саша меня очень любил, ценил и уважал. Поэтому, как только мы налили по стопке, он тут же сказал мне: «За твоё здоровье, старичок!» И потянулся чокнуться.

Выпили. Налили по второй. Я, понятное дело, тут же ответил: «Давай, Саня, будь здоров, дружище!» Выпили.

Налили по третьей. Андрей взял стопку и говорит:

– Первый тост был за Дениса. Потом за Саню. Так... Ну, а теперь что?

Мы заголосили:

– Конечно, за тебя! Андрюша, дорогой! Твоё здоровье! Ура! Будь!

Он сказал:

– Дураки вы оба. Третий тост – за прекрасных дам!

Но вообще с тостами какая-то неразбериха.

Одни считают чоканье нелепым гусарским пережитком. Другие уверены, что не чокаются только на поминках или если хотят выпить за чью-то память.

Одни произносят тосты наперебой. «За именинника! За супругу именинника! За родителей именинника! За детей именинника! За успехи именинника!»

Еще хуже, когда за столом настырный тамада: «У всех налито? Прощу всех налить! Слово предоставляется... Приготовиться...»

Другие считают витиеватые или приподнятые тосты – мещанством.

А многозначительно-назидательные – хамством. Что, кстати, правильно.

Поэтому выражаются лаконично: «Поехали! Ну, будь-будь. Давай еще. Так, за что пьем? За все хорошее. Ура. Хорошо пошла. Наливай, не дрожи бутылка... И-и-и-эх-х-х! Хороша, мать, но слаба... Как-то я ее не понял, давай еще по разику. Ну, привет! – И вдруг неожиданно: – В глаза смотреть надо, когда чокаешься!»

Это, кстати, важное правило.

Гораздо важнее, чем подхалимское стремление *уважительно чокнуться* – то есть тюкнуть по низу стопки (или даже по ножке рюмки) старшего, начальника, знаменитости.

С дамами тоже не надо чокается таким манером.

И тем более не надо, произнося романтическую речь в честь одной из присутствующих красавиц, ставить стопку на ладонь, а самому становиться на одно колено. Это явный перебор. Хотя некоторые любят. Особенно в конце застолья.

Раньше тост *за дорогих гостей* означал конец вечера. А ему предшествовал *за хозяев дома*. Сейчас этих правил нет и никто толком не знает, за кого и за что надо пить сначала, за что и за кого – потом.

спорт и охота **Время желаний**

Время, когда формировались наши желания, было скверным во многих смыслах. Очень скверным было отношение к женщине. И особенно – к *матерям-одиночкам* и *разведенкам с ребенком*.

Это была тяжелая социальная стигма, в которой смешивались ненависть, презрение и жалость. Женская ненависть к гулящей, которая может переманить или просто соблазнить мужа, презрение к неумехе в житейских делах, жалость к одинокой беднячке.

Плюс к тому – мужское представление о сексуальной доступности таких женщин. Все в одном наборе.

Мало этого. Мать-одиночка в свидетельстве о рождении ребенка в графе «отец» обязана была ставить прочерк. То есть на дитя любви ставилось официальное клеймо безотцовщины. И все эти беды – из-за того, что родила от *Ивана Ветрова*, как говорилось в народе.

А с другой стороны, общество, столь жестоко каравшее мать-одиночку и разведенку с ребенком, не собиралось жалеть и вышеуказанного Ивана Ветрова.

Поиск, изобличение и наказание «алиментщиков», а также многоженцев, брачных аферистов и просто донжуанов в 1960-е годы стали общенародной кампанией (возможно, взамен прежней охоты на вредителей и прочих врагов народа). Название самого знаменитого газетного фельетона про это – «Порхающий подлец» – говорит само за себя.

С третьей стороны, если поиск «алиментщиков» был национальной охотой, то уклонение от уплаты алиментов стало своего рода национальным спортом – как в рыночную эпоху уклонение от уплаты налогов. «Алиментщик» (то есть уклоняющийся от уплаты алиментов) звучало как «разбойник» – пусть не очень благородный, но...

Но разбойникам почему-то всегда сочувствуют.

война и победа **Время желаний – 2**

У Ивана Ивановича и Марьи Петровны родился ребенок.
Иван Иванович сделал ребенка Марье Петровне.
Почувствуйте разницу.
Сделать ребенка – это жестокое преступление. «Порхающий подлец» и все такое.
Другое дело – в браке.
Но и в браке ребенок – это победа мужчины над женщиной.
Так нам казалось в наши подростковые годы.

Наши ровесницы, как это всегда бывает в 13–15 лет, выросли раньше нас. Поэтому, наверное, мы неосознанно мечтали *сделать ребенка* гордой красавице. Хотя вслух мы постоянно обсуждали опасности полового акта: «*А вдруг она залетит? А вдруг будет ребенок?*»

Хотелось доказать ровесницам свою полноценность, обуздать презрение расцветающих юных женщин к прыщавым и нелепым ровесникам-подросткам.

А может быть, мы завидовали девушкам, потому что они общались с взрослыми парнями? Может, в этом все дело? Они отбивали у нас взрослых друзей! Парней с гитарами, мотоциклами, пустыми квартирами, пока *предки на даче*, – и с поездками на пустую дачу в прохладное октябрьское воскресенье...

Так или иначе, но мы хотели укротить женщину. Единственным надежным способом.

Мама ворчит, пилит папу, всячески унижает его, забирает у него зарплату, выдает ему деньги на обед и папиросы, ругает за выпитую с приятелями кружку пива. Она успешно доказывает ему (и заодно сыну, вертящемуся под ногами), что он – полное ничтожество. Однако утром папа бреется, прыскается «Шипром», надевает костюм с галстуком, берет портфель и уходит на службу (или хватает сверток с бутербродами и бежит на завод). Вырывается на свободу из этого ада. А мама остается нянчить сестренку-братишку, стирать, гладить, ходить в магазин, стоять в очередях и таскать домой кошелки, готовить, мыть посуду, мести пол, и этому нет конца. Если она при этом еще и работает, то тем хуже для нее. Но что-то привязывает ее к дому, что-то лишает ее свободы, то есть унижает и поработает стократ сильнее, чем словесные унижения и мелкие денежные репрессии, которым она подвергает папу. Эти кандалы, это рабство – дети. Пусть кричит-надрывается. Собака лает – ветер носит. У нее от папы дети, и поэтому она никуда не денется. А уйдет – станет разведенкой с ребенком, нищей и презренной.

Не просто овладеть, а именно *сделать ребенка* = одержать верх.
Конечно, мы не проговаривали это вслух или в мыслях.
Но чувствовали так или примерно так.

лямка и роль **Тонкости обращения – 5**

Конечно, нужна определенность отношений.

А то получится, как у жены одного моего приятеля. Ей было лет 30 примерно, она была учительницей, и в нее влюбился девятиклассник. Он писал ей письма, стоял под окнами, сочинял стихи и дарил букетики. Она, разумеется, смеялась, отмахивалась, кричала из окна: «А ну домой немедленно, сейчас родителям позвоню!» Но иногда, в момент хорошего настроения, позволяла ему поднести ей сумку до дому.

А через год этот мальчик ее бросил.

Подошел на переменке и сказал: «Все, я больше *тебя* не люблю». И у нее началась депрессия. Но самое интересное: мой приятель сказал, что и он почувствовал себя несколько задетым. Даже оскорбленным. «Мую жену бросил какой-то мальчишка! Безобразия! Наглец! Как он смел!»

Но когда определенность слишком уж определенная, тоже может выйти глупо.

Я знал одного парня, который просто боялся остаться с женщиной наедине даже в самых обычных обстоятельствах. Например, посидеть вместе вечером, отредактировать статью. Или съездить вместе к престарелой родственнице на дачу, отвезти ей продукты и лекарства. Потому что он тут же начинал *ухаживать*. Это было частью его гендерной, так сказать, идентичности. Какой же я мужчина, если, оказавшись рядом с женщиной, не проявлю активность? А поскольку он был очень хорош собой, ловок на язык и обращение, то его активность чаще всего приветствовалась. Что в дальнейшем приводило к различным затруднениям социального и эмоционального свойства. Поэтому он избегал таких ситуаций риска.

Или наоборот. Я дружил с одной милой девушкой, которая потом стала милой дамой и т. п. Кстати говоря, в начале нашей дружбы я делал какие-то движения, но был мягко и решительно остановлен. Ну и хорошо, ну и ладно. Мы очень приятно общались, но как-то раз она стала то ли очень энергично причесываться, то ли яростно поправлять лямку от лифчика под платьем, и я сказал: «Может быть, мне выйти или отвернуться?», а она ответила: «Ты что, ты же мне как подружка».

Мне сразу расхотелось с ней встречаться и болтать на умные филологические темы. Конечно, я был ей не кавалер, не ухажер, не любовник – но уж и не подружка. Почему я не удостоился простого слова «друг» – не знаю. Может быть, потому что перед другом не поправляют лямку от лифчика? Не знаю. Так и остался в неведении.

исчезновение

К.

Один раз на даче – уже после папиной смерти – я нашел целую пачку писем к нему. От какой-то женщины. Она подписывалась буквой К.

Я вспомнил, что у папы на руке была татуировка – именно буква К.

У него был еще бледный якорь на другой руке. Я, когда был маленький, несколько раз спрашивал у него, что значит эта буква. Но он смеялся и ничего не рассказывал.

Эта самая К. обращалась к папе: «Дорогой Ви!» То есть Витя.

Письма были написаны летом 1937 года. То есть моему папе было 23 года. Столько же, сколько мне, когда я их читал. Они были очень интимные. Даже слишком. Тридцать седьмой год в них никак не отразился. Но меня поразила их взрослость. Этой самой К. было явно меньше лет, чем ему. Она писала что-то вроде: «Ты ведь старше меня и сможешь понять (решить, посоветовать, отвечать)». Но это были письма совершенно взрослой женщины совсем взрослому мужчине. У них что-то не ладилось. Она жаловалась ему на него же: странно и жалко.

Мне было неловко читать. И я не стал дочитывать. Завязал их веревочкой, как были, и положил в ту же коробку на дно ящика письменного стола.

Потом, лет через пять, я решил все-таки их прочитать. Залез в ящик – а их там нет. Обыскал все, что мог. Нет нигде. Спросил маму. Она подняла брови: «Какие еще письма?» Я попытался объяснить. Так, окольными словами. Она сказала: «Не знаю, не знаю. Ты что-то выдумываешь».

Однажды, еще лет через пять, режиссер Инна Александровна Данкман сказала мне:

– Хочешь, расскажу тебе про твоего отца, про все его приключения?

Я сказал:

– Конечно, пожалуйста!

Она сказала:

– Давай не сегодня, ладно?

Довольно скоро Инна Александровна заболела и умерла. Потом моя мама умерла.

И некого спросить, где эти письма и кто была эта К.

песочные часы

Время писем

Была еще одна ужасная история с письмами. В сыром дачном сарае я нашел сумку, а в ней – письма папиного троюродного брата: прекрасно помню его узкий красивый почерк. Фиолетовыми чернилами адрес, и обратный адрес. На штемпелях – сорок восьмой, сорок девятый годы. Усевшись на сломанный чемодан, я вытащил из конверта первое письмо – боже! Бумага была пуста, чиста. Второй, третий, десятый, двадцать пятый конверт – то же самое. Сон какой-то. Серая пористая бумага. И слабые синеватые следы на ней.

Скоро я понял, в чем дело. Конверты дядя надписывал крепкими чернилами (наверное, на почтамте), а сами письма писал слабым химическим карандашом. Две зимы в сыром сарае – и все слиняло.

Я помнил, конечно, пугающие часы без стрелок в «Земляничной поляне». Но, доложу я вам, вытаскивать из надписанных конвертов пустые странички – тоже страшновато.

Да, господа, я еще жил в эпоху писем. У меня целый чемодан корреспонденции. Письма отдельные, по разным случаям, и письма сериями: с некоторыми людьми я постоянно переписывался. Например, с одним поэтом-переводчиком – на литературные темы. С моим факультетским товарищем Сашей Алексеевым (ныне покойным, увы): он на втором курсе уехал по обмену учиться в Лейпциг, и мы написали друг другу целый том всякой всячины. Он из моих писем действительно сделал том – переплел их. А я его письма держу в конвертах, но в порядке. Это я про большие серии говорю; были и поменьше. Мамины письма и папины. Письма от друзей мне на отдых и от них с отдыха. То есть мы не могли прервать общение даже на три недели. Письма от девушек, но немного. А также деловая переписка.

Нет, я не спорю, *e-mail* – это очень удобно, быстро и вообще прекрасно. Но что-то было особенное в бумажных письмах. Одна девочка написала мне с юга. В конверте оказались три песчинки. Много ли надо, чтоб вообразить, как она лежит на пляже, и дописывает письмо, и складывает его, и тонкий белый песок сыплется на бумагу с ее смуглого запястья. И сойти с ума. На три минуты. По числу песчинок.

безответственно и непродуманно **Книжку, что ли, почитать?**

Я разлюбил тонких стилистов. Я люблю читать так, чтобы был незаметен сам процесс чтения. Горький описывал, как он в юности читал «Простое сердце» Флобера. Потом схватил книгу и стал смотреть страницы на свет – казалось, что в бумаге есть какой-то секрет: все прочитанное встает перед глазами.

В этом смысле лучше всех – Чехов. Писатель, которого не видно.

Жадным вниманием к выписыванию деталей Набоков похож на Бунина, «Жизнь Арсеньева», и – если сравнить с живописью – на малых голландцев, которые изображали изящную жизнь кавалеров и их камердинеров, дам и их служанок. Катание на коньках по замерзшим каналам, серебряный соусник и сползающую винтом лимонную кожуру.

В повести «Подвиг» описание, как насморочная дамочка чистит картошку, – поразительно по живописности, фактурности и какой-то переизбыточной самодостаточности. Это, что называется, «карта Англии размером в Англию». Мне как читателю здесь уже нечего делать. Разве только убедиться, что я умею складывать буквы.

Мы забыли про фабулу. Про цепь событий. Фабула – сильнейший инструмент, не слабее, чем все остальные приемы, вместе взятые. Фабула организует все пространство и позволяет его понять без явных авторских подсказок.

Кстати, нынешние детективы по фабульной части так себе. Чаще всего это примитивные погони или подмены. Слабо придумать нечто вроде «Царя Эдипа»: человек, сознательно бегущий от преступления, именно его и совершает; человек, расследующий преступление, обнаруживает, что преступник – он сам. Вот это, я понимаю, детектив! В конце концов, «Братья Карамазовы» – очень фабульная вещь. «Фальшивый купон» – шедевр фабульной литературы. Жаль, такое редко встречается.

Но упор на одну только фабулу – как в новеллах Боккаччо или в рассказах Александра Грина – тоже не очень интересно. Что же тогда интересно? В голову лезут банальности: «Свежесть, но не резкая вонючесть чувств, а также новизна, но не насилующая читателя парадоксальность – и чтоб все это было передано ярким, но не кричащим или кудреватым языком».

Эх.

fachwerk

Балки, стойки и раскосы

Знакомый студент сказал, что хочет креститься. То есть нет, крещеный-то он с детства. Хочет наконец *войти в церковную ограду*. Потому что ищет внутреннюю опору.

Я совсем не удивился, что в двадцать лет можно жить без опоры, потерять ее или пока еще не найти. Я в свои двадцать лет никакой опоры не имел. Внутренней, разумеется. У меня были разнообразные костыли и корсеты: университет, необходимость учить латынь и греческий; у меня были друзья-товарищи, с которыми я постоянно встречался; я был крупный любитель выпить; я увлекался женским полом чрезвычайно. Кроме того, я старался (или делал вид, что стараюсь) заниматься спортом.

У меня тяжело болел, умирая на моих глазах, отец. У меня подрастала маленькая сестра, которую я не так уж редко водил в детский садик, а потом в школу, и забирал оттуда, читал ей книжки и вообще был заботливым братом. На факультете я с конца 2 курса по начало 5-го (то есть два года с хвостиками) был председателем научного студенческого общества. Плюс домашние семинары у А. П. Каждана. Плюс занятия с моим научным руководителем Борисом Львовичем Фонкичем, великим специалистом по греческой палеографии, – мы минимум раз в неделю вместе сидели в хранилище Исторического музея, а потом он тратил на меня час-другой, посвящая в тайны унциала и минускула, брошюровки и разлиновки. И еще я сам вел со знакомыми студентами журфака домашние семинары по философии Платона (если честно, это были просто чтение и обсуждение на основе комментариев Лосева).

Не помню, как и когда я просто нормально спал: случилось, я тихонько приходил домой в пять или полшестого утра и нырял в постель, за час-полтора до подъема. В общем, жизнь держала меня в тисках и, даже если бы я захотел упасть, – все равно не дала бы.

Так что в двадцать лет опоры у меня не было ровнехонько никакой.

Не думаю, впрочем, что опора есть у меня сейчас, что я дожил-додумал-допереживал до нее. Наверное, нет. Больше (вернее, меньше) того: корсет развязан, костыли упали. Мне иногда кажется, что я качусь по инерции, как велосипед без седока. Извините, если это слишком красиво.

воспитание чувств

Конформист

С пятнадцати лет я был страстным противником советской власти; в фантазиях, разумеется. Хотя один раз пытался клеить собственные листовки.

Но в восемнадцать лет случилось странное событие.

Когда-то троллейбусы № 3 и № 23 ходили мимо нашего дома в Каретном ряду. Маршруты разделялись где-то за Бутырской заставой, но от Савеловского вокзала до центра ходили одинаково. Поэтому мы их называли «*третий – двадцать третий*». Наша остановка – сад Эрмитаж. Следующая – Петровские ворота. Потом – Столешников переулок. Потом – площадь Свердлова, Большой театр. Далее троллейбус поворачивал на Пушкинскую улицу – остановка «Станция метро „Площадь Свердлова“». Но это было далеко от угла. Плюс два светофора. Поэтому, когда я ехал в университет, я соскакивал у Большого театра и шел пешком на Моховую.

При чем тут троллейбус? Сейчас, сейчас.

В 18 лет я неожиданно понял, что моя внутренняя душевная жизнь неподвластна никому и ничему на свете. Солнечным сентябрьским утром 1969 года я спрыгнул у Большого театра с подножки троллейбуса № 3 (или № 23) и почувствовал дуновение теплого осеннего ветра в лицо и грудь. Это было как благодать, *gratia, charisma* – ощущение явного преимущества духовного над телесным, вечного над сиюминутным, радостного над горестным. Небесного над земным, уж извините.

Я понял, что никто не властен над моей бессмертной душой. Что в нищете, ссылке, в тюрьме или даже у расстрельной стенки я смогу ощутить этот благодатный воздух, дующий мне в лицо и грудь.

Казалось бы, я должен был стать бесстрашным борцом.

Но произошло наоборот. Я лет на пять заделался *равнодушным охранителем*. Мне плевать на коммунистов, говорил я сам себе и своим друзьям. Но пусть лучше все остается как есть. Поскольку в магазинах есть хлеб, а из кранов течет вода – а в революцию не бывает ни того, ни другого. Да, нищета, тюрьма и сама смерть не властны над таинственным благодатным дыханием вечности, но лучше все-таки без нищеты, тюрем и ссылок и тем более пыток и расстрелов. Поэтому возьмем красный флажок и пойдем на демонстрацию, если уж так просят в парткоме факультета: бессмертная душа, как известное место, «не смылится». Не растает сахарком.

Такая вот неприятная деталь духовной биографии.

Но было, было, никуда не денешься.

этнография и антропология

По вечерам над ресторанами

Как театр – с вешалки, так и ресторан в старые времена начинался с очереди. Изящные кафе «Московское» и «Космос», дорогие рестораны «Арагви» или «Узбекистан», демократичная шашлычная «Казбек» и дешевая пивная в Столешниковом – всюду были очереди.

Стояли влюбленные парочки. Стояли семейные группы: папа, мама, сын-старшеклассник и дочка-студентка. Стояли сослуживцы. Стояли друзья и подруги. Все стояли, жадно глядя на дверь с надписью «Мест нет».

Мест никогда не было. Даже когда они были.

Но вот достоялись. Или сунули швейцару копеек пятьдесят.

Вошли.

На половине столов стояла табличка «Стол не обслуживается». Не зарезервирован, не занят, а именно не обслуживается. Не вами, посетителями, заказан, а нами, официантами, не обслуживается. То есть понятно, кто здесь кто.

Вошедшую пару могли посадить к другой паре. Или даже к двум парам – если стол был на шесть персон.

– Простите, – страшась собственной дерзости, спрашивал посетитель, – а вон тот стол свободен, можно мы туда сядем?

– Тот стол не обслуживается, – строго отвечал официант. – Ассорти рыбное брать будете?

Это был пробный шар. Если посетитель брал рыбное ассорти, то есть селедочницу с красной и белой рыбой, переложенной лимоном, петрушкой и завитками масла (*хороший заказ*), – то официант мог сменить гнев на милость и через полчаса пересадить за столик на двоих.

Я не любил ходить в кафе и рестораны. Мне там было унижительно. Официанты были суровы и не улыбки. На их лицах читалось естественное раздражение богатых людей, которые вынуждены обслуживать людей бедных. Но обсчитывали ужасно. Счет был написан от руки, бледно и неразборчиво. Чаевые брали, как одолжение делали.

Один мой приятель рассказывал: «Не любят меня официанты, не уважают. Отчего? Думал-думал и решил: наверное, оттого что у меня денег мало. То есть у меня на роже написано, что я не буду заказывать ассорти рыбное и коньяк марочный. И поэтому я так скромно держусь. И поэтому они со мной так невежливы. Вот однажды ко мне приехал приятель из Ленинграда. А я как раз получил большой гонорар. Пошли мы в ресторан. Карманы набиты деньгами. Захочу – могу шампанское на все столы. В прямом смысле! Выстояли очередь, вошли, сели. Подходит официант. Я развалился в кресле, раскрыл меню и говорю этак вальяжно:

– Ну, что вы нам посоветуете?

Он посмотрел на меня и сказал:

– *Поужинать дома*».

и долго буду тем любезен я **Пушкин плюс**

Поэт – это не просто имя над стихотворением.

Гомер был слепым. Сафо была непростая женщина. Жизнь Овидия, Катулла, Горация нам тоже известна. Нет поэта без биографии.

Что такое Державин без Екатерины? Маяковский без советской власти и Лили Брик? Пастернак без Сталина, Хрущева и Нобелевской премии? Бродский без Ахматовой, суда «за тунеядство», ссылки, самиздата, эмиграции?

Что такое, наконец, Пушкин без лица и ссылки, без донжуанского списка и Натали, без Николая и Бенкендорфа, без Дантеса, наконец? Это был бы немножко другой Пушкин. Или совсем другой? Был бы он *нашим Пушкиным*? Или стал бы каким-то «*Пушкин+*»?

А доживи он до возраста Горчакова? Почему нет? Ровесники ведь! Пушкин, переживший Достоевского, – вы можете себе это представить?

За кого бы он был в споре революционных демократов и консерваторов-охранителей? Думаю, за консерваторов. Ибо Пушкин был хотя и западник, но монархист, аристократ и империалист. К тому же сильно немолодой человек к тому времени (к 1860-м годам). Кроме того, он стал бы камергером. Кавалером орденов.

Тогда, наверное, при советской власти не стали бы славить Пушкина как главного русского писателя. Не стали бы называть все на свете именем Пушкина: улицы, театры, библиотеки и целые города. Не было бы новых памятников, музеев, парадных собраний сочинений.

Но тогда вообще все могло пойти по-другому: Герцен более спокойный. Некрасов не такой популярный. Нигилистов вовсе не видать. Так, в провинции, чуточку.

А может, и советской власти не было бы.

подарю тебе я тундру **Тонкости обращения – 6**

Я с детства не любил так называемые «полезные подарки». Наверное, мне слишком часто дарили свитера и ботинки, шарфы и перчатки. Легкое родственное лицемерие: *все равно ведь надо покупать эти вещи*, давайте их красиво запакуем, перевяжем ленточкой и приложим букетик или брелочек.

Помилуй Бог, я не осуждаю, я рассуждаю.

Поэтому я любил получать в подарок безделушки. Сувениры.

Но вдруг услышал такое соображение: безделушки захламляют дом. И еще: подарили мне трубку – я обязан ее курить; подарили мне статуэтку – обязан поставить на видное место. Особенно если дарит человек, часто бывающий в доме. Одна моя знакомая имеет специальные гвозди, на которые вывешивает дареные картины – когда дарители приходят в гости. Потом снимает и вешает то, что ей самой нравится.

Поэтому лучше всего дарить выпивку и конфеты. Веселые и непостоянные вещи.

Но вообще кому что дарить – это проблема.

Мир делится не только на злых и добрых, образованных и не очень, ловких и неуклюжих, карьеристов и скромников, но и на богатых и бедных. Скажем так, на более обеспеченных и менее обеспеченных. В том числе и в нашем с вами окружении, ибо критерии богатства и бедности относительны. Если человек дарит нарочито дорогой подарок тому, кто богаче его, – он этим признает свою зависимость. А если тому, кто беднее, – пытается утвердить свое превосходство. То и другое – неправильно, я полагаю.

Да, но и дарить нарочито копеечные, пустяковые подарки – тоже неправильно.

Ключ – в слове *нарочито*.

Но поди разбери, где нарочито, а где нет.

Академик Гафуров рассказывал, что его мать после каждого большого праздника садилась, открывала специальную тетрадь и записывала все принесенные подарки. От кого и цену. С точностью буквально до рубля.

– Зачем это? – спросил он.

– Подарки всегда отдаривают, – отвечала мудрая старуха. – Но ответный подарок должен быть в ту же цену. *Подаришь дешевле – обидишь. Подаришь дороже – унизишь.*

этнография и антропология

Курица и морковь

В фильме Джармуша «Сломанные цветы» герой попадает сначала в дом к бедной женщине (вдова автогонщика). Она ставит на стол здорового цыпленка. Жареного! С корочкой! Прямо слюнки текут. Потом он приезжает к женщине богатой (жена архитектора). Там на ужин подают морковные котлеты и еще что-то вегетарианское. Очень изысканно: большая белая тарелка, на ней морковная котлета, кудряшечка брокколи и еще – мазок лилового соуса. Приятного аппетита.

Мог ли я сорок лет назад представить себе, что такая вкуснейшая роскошь, как жареная курица (именно *жареная*, а не вареная, то есть предварительно не использованная ради бульона), станет едой бедных? А такая дешевая ерунда, как трехкопеечные морковные котлеты, станет едой богатых?

Иные перемены случаются еще быстрее.

Мобильный телефон в начале 1990-х – что-то немыслимое. Для небожителей.

Но недавно я услышал, как один джентльмен отзывался о другом джентльмене: «Он все время отвечает на звонки по мобильнику. Может быть, *у него секретаря нет?*»

театрализованное представление

Партер и кресла

РЕЖИССЕР: Хорошая пьеса. В общем-то, я могу ее поставить.

ДРАМАТУРГ (*радостно*): Когда начнем работать?

РЕЖИССЕР: Но я могу ее и не поставить.

ДРАМАТУРГ (*все еще бодро*): Да, я понимаю.

РЕЖИССЕР: Нет, вы не понимаете. Я могу ее поставить, а могу и не поставить. Значит, я не буду ее ставить. Потому что мне нужна пьеса, *которую я не могу не поставить*.

Верно, верно, верно.

Но в советское время режиссер – чтобы не портить отношений – часто ссылался на инстанции или на политическую ситуацию. Режиссер говорил драматургу: «Вы написали прекрасную пьесу, но наш театр не может сейчас ее поставить» (приводится тысяча причин, от давления Министерства культуры до внутренних интриг касательно ролей).

А почему у вас идет вот эта пьеса, она же бездарна?! «Да, вы правы, эта пьеса бездарна, но что нам поделать, мы вынуждены ее ставить» (опять тысяча причин, от Министерства до капризной премьерши).

Стыдная мечта – чтоб режиссер сказал: «Вы написали бездарную пьесу, вы плоский, банальный, непрофессиональный, пошлый графоман! Но завтра мы начинаем ее репетировать».

Но я не про театр.

Я про обидные объяснения. С целью сохранить отношения.

Словеса, примерно подобные тем режиссерским: «Ты такой хороший, такой добрый и умный, я так тебя люблю, да, правда, ты мне не веришь, но я тебя по-настоящему люблю, а к нему меня *просто почему-то как-то вот так тянет*... Ты такое мое счастье и удача, другая бы жизнь тебе отдала, а я ну вот такая дура, прости меня...»

Фу. Все вранье. А если не вранье, то еще хуже, еще обиднее.

Мечталось услышать: «Боже, какой ты скверный тип. Подлый, жестокий, грубый. Ну, пойдём скорее, пойдём со мной».

Конечно, всякое сравнение хромает

И это – про хромящее сравнение – тоже.

тема с вариациями

1. Пятый в мундире

Всего их было шесть. В программке так и было написано: шестеро в мундирах. Его фамилия была пятой: В. Крутилин. Витя Крутилин, боже ты мой...

Марина училась с ним в одном классе, все десять лет, но они не дружили. Она была отличница с толстой косой, мама – врач, папа – бухгалтер. А у него отец был дипломат, а старший брат – оператор на «Мосфильме». Кажется, вообще ни разу слова друг другу не сказали. Хотя нет. Один раз был, смешно вспомнить. Он в десятом классе снялся в кино в роли чьего-то сына: крохотная, но настоящая *роль*, со словами и переживаниями. Он пригласил в Дом кино весь класс – в воскресенье в час дня был общественный просмотр. После фильма все подходили к нему и поздравляли. Она тоже сказала, что ей понравилось, как он сыграл. Он пожал ей руку и сказал, что очень рад. Рад, что именно ей понравилось. Что он имел в виду?

А в понедельник одна девочка рассказала, что они потом пошли к Вите, посидеть *в своей компании*. А потом он пошел ее провожать. «Слава богу, мои были на даче до понедельника», – небрежно сказала она и замолчала. Но Марина ее ни о чем не расспрашивала.

Она посмотрела на сцену. Эти шестеро в мундирах что-то символизировали. Вроде жестокой авторитарной власти. Небогатая метафора, однако. Снова заглянула в программку. А. Лесков, В. Аркин, Б. Садовский, Э. Вихор, В. Крутилин. С ума сойти. И еще М. Барчук. Витя Крутилин, с ума сойти...

В антракте пошли в буфет. Муж усадил Марину за столик и пошел к стойке. Она глядела на красивую широкую спину мужа и думала: бедный Витя Крутилин! Но потом решила, что пятый в мундире – это, конечно, смешно, но все равно лучше здесь играть пятого в мундире, чем Гамлета – в передвижном райдрамтеатре. Ничего страшного. Все образуется. Дай ему бог.

Подошел муж, неся полный поднос и две бутылки «пепси».

– «Пепси»? – возмутилась Марина. – Гадость какая. Что с тобой? Принеси минералки, сока, не знаю...

Муж пошел к буфету, смешался с толпой. Марина посидела недолго, съела тарталетку и отправилась в зал на свое место.

Муж прибежал, когда уже гасили свет.

– Ты где была? – зашептал он. – Я обыскался, я принес сок...

– Началось уже! – огрызнулась она. – Сиди тихо.

И уставилась на сцену. Он прикоснулся к ее локтю, она отдернула руку. Он обиженно вздохнул – для нее, чтоб она слышала, а сам тихонько улыбнулся. Ему нравились эти непонятные приступы злости, потому что потом она просила прощения, иногда даже плакала и любила его особенно сильно. Виновато, покорно и нежно.

Тем более что детей отправили на все каникулы в Австрию. С обеими бабушками.

дополнение к предыдущему

2. Расследование причин

«Слава богу, мои были на даче до понедельника», – небрежно сказала она и замолчала. Но Марина ее ни о чем не расспрашивала.

Марина знала точно: даже если бы он вдруг пригласил ее в гости, просто так, за компанию, – все равно провожать бы не пошел. А если бы пошел – ну вдруг, ну представим себе, – она бы его к себе не позвала. Потому что папа тут же стал бы знакомиться и спрашивать, чем молодой человек увлекается, и в какой вуз собирается поступать, и этак ненароком – кто его родители, где работают, и так далее. А тут мама с чаем и вареньем пяти сортов в пятисекционной вазе. Клубничное, сливовое, черносмородинное, райские яблочки с веточками и коронный номер – изумрудное крыжовенное с вишневым листом, так называемое *царское*. «Зачем эти допросы?» – бесилась Марина после таких встреч и бесед. «Должен же я знать, с кем общается моя единственная дочь?» – подмигивал папа.

Папа – замначальника ПЭО, то есть планово-экономического отдела завода имени Тевосяна, и мама – врач медсанчасти того же завода. На работу и с работы ездили вместе. Папа всегда был замом. Зам главного бухгалтера на одном заводе, зам главного экономиста на другом и вот теперь – замначальника ПЭО. Его хотели назначить начальником этого ПЭО, но он отказался, потому что метил в замы начальника ПЭУ – уже не отдела на заводе, а управления в главке. Это сорвалось, но папа даже гордился. «Если бы я ходил перед ними на задних лапках, я давно уже был бы замминистра!» – надменно говорил он. «А почему тогда не министром?» – думала Марина. Юлий Цезарь наоборот. В Риме, но вторым.

Все вечера родители были дома. Если в кино или в гости, то всей семьей. Но, допустим, они уехали на дачу к папиному брату, что случалось раз в год. Предположим невероятное, несбыточное: ее оставили ночевать одну в пустой квартире, и вот он пошел ее провожать, они стоят у подъезда, потом в подъезде, потом у дверей – но нет! Не надо! Потому что дома тюлевые занавески, сервант с парадной посудой, семейная фотография над диваном и большой фарфоровый кролик на пианино, настоящий *копенгаген*... А в ванной сушатся на натянутых лесках ее беленькие блузочки.

Потому что девушку украшают не наряды, а скромность и аккуратность.

Она это хорошо запомнила. Так хорошо запомнила, что с первой стипендии купила себе американскую футболку с жуткой переводной картинкой. А когда поехали на картошку, в первую же ночь дала первому, кто обнял.

Теперь у него небольшой лесоторговый бизнес.

А дети в Австрии. С обеими бабушками.

еще одно вложенное дополнение

3. Мелкая пластика

– Мои на даче, – сказала Наташа. – До понедельника.

Она вытащила из серванта вазочку, вытряхнула из нее ключик, открыла бар, достала коньяк.

– Мы совсем по чуть-чуть, никто не заметит.

На пианино стояла фарфоровая *Хозяйка Медной горы*. А также гимнастка и фигуристка. Наташа повернулась к нему спиной. Он положил руки ей на плечи. Она поставила рюмку у гимнасткиных глянцевых ножек, запрокинулась назад. Он смело обнял ее. Она прижалась к нему и сказала:

– Я вообще-то боюсь...

– У меня с собой, ну, это... – сказал Витя.

– Заграничные? – прошептала она.

Потом они сидели на кухне и растерянно ели хлеб с маслом.

– Ты, наверное, в МГИМО поступать будешь? – спросила она.

– В школу-студию МХАТ, – сказал Витя. – У меня талант актера, все говорят, это раз. А в МГИМО нужен большой блат, это два.

– У тебя же папа дипломат!

– Подумаешь, второй советник в Камеруне.

– У него, наверное, друзья есть? – настаивала Наташа. – Посол, замминистра...

– Он болен тяжело, – сказал Витя. – И мама тоже. Тропическая инфекция, вся печень погибает. Какие друзья? МИД – это волчарня. Глотку перегрызут за командировку. Я не хочу, как они, у меня талант, я это все время чувствую.

Витя потом приходил еще несколько раз, потому что Наташины родители уезжали на дачу почти каждую пятницу – и до понедельника. У них была хорошая зимняя дача в Горелой Роще: считалось, что это дача одинокой маминой тети, которая была вдова академика Шуберта, был такой известный химик, – но Наташа знала, что на самом деле эта дача их. Но она не знала точно, кем работал папа. Вообще-то он был *простой служащий в Министерстве торговли*, как он подчеркивал в воспитательных беседах с дочерью, но по телефону орал как министр, и каждую неделю ему привозили целые коробки разных вкусных вещей, которых нет в магазине.

Наташа любила салями и карбонад, и мускат «Красный камень» урожая 1959 года ей тоже нравился, а вот такая жизнь – не очень. Она понимала, что она поросенок неблагодарный, но все равно хотела, чтобы у нее был *понятный муж*. Пусть без дачи и машины, зато нормальный, правильный.

Поэтому она очень расстроилась, когда Витя Крутилин сказал, что хочет стать артистом. Она его почти разлюбила за это. И вообще ей не очень нравилось, что они делали. Верней, так: ей нравился сам факт, что они это делают. Как он приходит, они целуются, она наливает ему рюмочку дорогого коньяка из папиного бара и все такое – а вот само по себе? Она не знала. Наверное, *сам факт* заслонял *само по себе*.

там, на перекрестке

4. Голое горячее гладкое холодное

– Почему ты не стал сниматься у Абдрашитова? – спросила Лена.
– Так вышло, – сказал Витя. – Меня уже почти утвердили. Потом сорвалось. Так иногда бывает.
– С другими иногда бывает, а с тобой происходит всегда! – закричала Настя.
– Не сердись, – сказал он. – Я еще сыграю. Мне еще Эфрос говорил, что я еще сыграю...
– Когда ты меня от мужа уводил, ты мне обещал интересную, красивую, творческую жизнь! – заплакала Катя. – Ну, где она? Кто ты? Массовка? Кордебалет?
– Я артист! – с пьяноватым пафосом сказал Витя; он и вправду немного выпил. – Да-с, я артист, я играю в меру отпущенного мне таланта и не завидую тем, кто знаменитей или талантливей меня, я это признаю и не завидую! Я благодарю бога, – он встал, сбросив кошку с колен и шумно отодвинув табуретку, – я благодарю бога, что он дал мне счастье выходить на сцену, *пятым в мундире* или сотым в шинели, это счастье, и я чувствую, что мне страшно, невероятно повезло...

А Наташа все не могла забыть тот первый раз. То есть не сам первый раз, а как она потом сидела на кухне, голой попой на холодной пластиковой табуретке. Ела хлеб с маслом и уговаривала Витю Крутилина поступать в МГИМО.

Она даже одной своей подруге сказала:

– Весь мой дурацкий секс, который был, отдам за эту холодную табуретку.
– Никому не говори, – сказала та. – Все равно никто не пожалеет. Тут, кстати, есть одна фирма, нужна тетенька с немецким языком и без детей. Лесоторговая компания.

Наташа не знала, что жена босса – ее бывшая одноклассница, отличница с толстой косой, которой она когда-то похвасталась насчет Вити. Она этого так и не узнала, потому что Марина в офис не заходила, а босс не приглашал сотрудников к себе. Ну, кого-то, может, и приглашал, но не ее.

Зато Витю она увидела на том самом спектакле. Не удержалась и дождалась у служебного входа.

– Мы можем твою квартиру сдавать, а в моей жить, – сказала Наташа. – Или наоборот, как ты захочешь. Ты как хочешь?

– Давай сделаем, как ты сказала. Мне у тебя очень нравится. Еще тогда понравилось, – сказал Витя. – Все эти штучки на пианино. Особенно гимнастка. На тебя похожа.

– Что ты, я теперь такая толстая, – сказала Наташа.

Похоже на мильную оперу. Извините. Но я не про то, на самом деле.

Две девочки из очень похожих квартир, две юные мешаночки, каждая недовольна родителями и жаждет *вырваться* – и вот как по-разному у них вышло. Они сами выбирали? Или им так выпало?

Неважно. Выбранная судьба обратно не принимается и не обменивается.

Выпавшая – тоже.

по поводу очень мокрого снега **Темное белое**

Снег вчера шел со страшной силой.

Если бы у меня была хоть часть этой страшной силы, я бы рассказал, как я в снежную зиму провожал до дому одну девочку, которая уже была мужней женой, и мы целовались, время от времени падая в сугробы, а до того – в восьмом классе – я очень сильно был в нее влюблен, а уже совсем, *совсем-пресовсем потом* мы встретились два раза, и оба раза случайно, последний раз – когда нам было лет по тридцать пять, и она совсем не изменилась.

Но лучше всего я помню этот снег, набережную Москвы-реки, дикую скользоту под ногами и какие-то совершенно сумасшедшие пьяные (в прямом смысле слова) объятия и поцелуи. Ее муж встретил нас возле подъезда. Мы едва держались на ногах и были все в снегу до ушей и за воротником.

Снег, снег, снег.

Снег лег на ветки и поломал их.

Снег не знал, что деревянные ветки такие хрупкие.

Ветки упали на провода и порвали их.

Ветки не думали, что медные провода такие слабые.

Свет гаснет, а темнеет рано.

Свет забыл, что уже почти зима.

Всякий раз, как гаснет свет, отключается компьютер.

Устройство человеческой жизни всегда одинаково.

Сильный снегопад мешает среднему современному человеку так же, как мешал среднему неандертальцу.

Среднему – потому что у богатых свои маленькие электростанции.

А главные неандертальцы сидели в пещере у костра и плевали на непогоду.

заметки по логике

Нет, не тебя так пылко я

«Красивая женщина. Стоит руку протянуть.

Протянул. Выключил музыку. <...>

Слышу: „Мишка, я сейчас умру“. <...>

– Мишка, – говорю, – в командировке.

– О Господи!..

Мне стало противно, и я ушел. Вернее, остался».

(с) Сергей Довлатов, «Компромисс» (компромисс одиннадцатый)

Действительно, проблема. Небольшая, но нередкая.

Можно ли допустить, что на самом деле любят не меня? Что на моем месте воображают кого-то другого?

Можно ли это *допустить* – в обоих смыслах слова?

Допустить – в смысле *предположить*.

Допустить – в смысле *позволить*.

Но тут вот какая штука, дорогие друзья и коллеги.

Даже если он(а) уверен(а) и вроде бы отдает себе полный отчет в том, что любит именно ее(его), то зададим себе вопрос: достаточно ли адекватно он(а) представляет себе ее(его) личность? Нет ли здесь некоей идеализации? Или наоборот, некоей деидеализации, не сказать – девальвации? Неких, как бы это сказать, аббераций, то есть искажений реальности?

Конечно же, абберации есть, господа члены ученого совета!

Ведь, любя Ваню(Маню), партнер любит его/ее образ, созданный в ее(его) воображении! Отдаленность этого образа от реальности может быть различной, порою весьма и весьма значительной!

Возможен даже парадокс: воображаемый(ая) Саня(Таня) может быть ближе к реальному(ой) Ване(Мане), чем образ этого(ой) Вани(Мани), сложившийся в сознании и в бессознательном партнера.

Так что пусть себе воображает.

Лишь бы не путал(а) имена.

Или все-таки не пусть?

вот что значит настоящий верный друг

Друзья

Саша устраивался на диване с ногами, а Дима усаживался в кресло.

– Ну, докладывай, – говорил Саша, отхлебнув кофе и закуривая.

– В эту неделю ничего особенного, – говорил Дима.

– Не запирайтесь, граф!

– Погоди. Ага. Вот. Значит, так, – он тоже закуривал. – Значит, выхожу из конторы, а тут навстречу опять она. Я ее уж давно приметил.

– Опиши! – требовал Саша.

Описывать Дима умел. Саша даже облизывался.

Потом Дима рассказывал, как предложил подвезти ее до дома, как она позвала его к себе выпить чашечку кофе, потом вышла из комнаты, он ждал-ждал и вдруг услышал шум душа. Дверь в ванную была приоткрыта...

– Тут я взял и отдернул занавеску. Ну, это что-то!

– Опиши! – кричал Саша.

За дверью обрывался гул пылесоса. Входила Света в футболке и леггинсах. Лучше любых Диминых описаний. Она в свободное время любила делать уборку.

– Звал?

– Нет, нет, – отмахивался Саша.

То есть у Саши была молодая красивая жена, да и сам он был молод и хорош: крепкий синеглазый мужчина, чуть-чуть за тридцать.

Света нарочно включала пылесос, как будто ничего не слышит и не знает. Потому что Дима все делал по ее просьбе. Потому что Саша был *полная деревяшка в этом смысле*.

– Хоть бы он изменил мне, что ли, – говорила она Диме, пока он помогал ей выносить мусор во двор. – А может, ревность в нем пробудить?

– А как?

– Ты опиши меня, – сказала Света. – Пусть он заподозрит. И посмотрит на меня другими глазами.

– А как я тебя опишу, если я тебя только снаружи видел?

– Я тебе расскажу. Вечером Сашка уедет к матери на дачу, я тогда позвоню, и ты все спокойно запомнишь.

– Может, ко мне зайдешь? – пугаясь, спросил Дима.

Он описывал свою новую подругу так, что Сашу дрожь била от подробностей. Включая татуировку на талии сзади. Но Саша ничего не заподозрил. И не взглянул на Свету другими глазами, на что тайно надеялся Дима.

Через две недели Саша, устроившись на диване с кофе и пепельницей, снова сказал:

– Докладывайте, граф!

– Докладываю, – Дима покосился на дверь.

Вошла Света. Она была в плаще и с сумкой.

– Докладываем, – сказала она.

– Вы чего, ребята? – спросил Саша.

– Ты что, сам не понимаешь? – хором сказали Дима и Света.

– А... – сказал он. – Понимаю.

– Тогда пока, – сказал Дима. – Прощай, мой друг. Я был бы рад с тобой дальше дружить и общаться, но Светлана резко против.

– Я буду скучать, – сказал ему Саша. – А ты?

– И я, – сказал Дима. – Честно.

– Ну и живи здесь! – закричала Света и хлопнула дверью. – Дурак такой же!

– Давай догоняй, – сказал Саша. – А то неудобно.

– Погоди, – сказал Дима. – Я хочу *дорассказать*. Напоследок.

Света в коридоре включила пылесос.

моральный облик и боевой дух **Старый троллейбус**

Мне было 12 лет. Я учился рисовать.

Художественная школа была на «Кропоткинской».

Я ездил туда на троллейбусе № 11. Смешно, потому что на *одинадцатом номере* означало *пешком*.

Одинадцатый троллейбус останавливался у сада Эрмитаж, ехал вниз по Петровке, поворачивал направо у Большого театра, и далее – до Кропоткинских ворот, где дышал облаками пара бассейн «Москва». Там чуть правее, и следующая остановка после «Дома ученых» – моя.

Занятия начинались в четыре.

Ехать было примерно полчаса.

Я довольно часто опаздывал.

Бывало, еду и смотрю на часы – на столбах, разумеется. Своих у меня еще не было.

Троллейбус тащится по Волхонке. Время – без десяти четыре.

Еду и думаю: «Конечно, я понимаю, что я на самом деле опоздал. Потому что ехать еще минут пятнадцать. Но чисто формально я пока еще не опоздал...»

Нет, я не мечтал, что троллейбус вдруг помчится, как скорый поезд.

Но, с другой стороны, у меня еще десять минут в запасе.

Вот уже без пяти. Даже без трех. А пока только Музей имени Пушкина.

Все равно *чисто формально* пока еще все в порядке.

В художественной школе был один мальчик, который все время лез в драку. Не всерьез, не с кулаками, а так, толкался. Локтями, плечами или боком, как хоккеист. Подойдет и толкнет боком, довольно сильно.

– Ты что? – говорю. – Чего надо?

А он ржет:

– Хоккей, силовой прием, все по правилам! – и убегает.

Я умел драться. Не пихался, как обычно ребята делают, а сразу бил в зубы. Но во дворе. А в школе было неудобно – все-таки товарищ.

Вот еду я в троллейбусе и жалобно думаю: «Опять этот дурак толкаться будет, ну что за невезение, честное слово...»

И он меня уже в коридоре встречает и норовит пихнуть посильней.

Мне надоело, и я решил: еще раз пристанет – я ему врежу.

Еду в троллейбусе и думаю: «Вот попробуй только подойди, я тебе два передних сразу вышибу и по носу добавлю».

И кулаки разминаю.

Приезжаю, захожу в раздевалку.

Он мне кивает и мимо проходит. По стенке. Стараясь не задеть.

этнография и антропология

Ночная жизнь

В далекий маленький провинциальный городок по каким-то делам приехали два столичных жителя.

Поселились в самой лучшей гостинице, поужинали в гостиничном ресторане, вышли на площадь перед отелем.

Осень, вечер, стемнело. Два фонаря перед входом бледно освещают разбитый асфальт и единственное такси. Шофер дремлет, откинувшись на сиденье. Вдаль уходит пустая и темная улица. Манящих вывесок не видно. Народу никого. Окна в окрестных домах гаснут, одно за одним.

У дверей курит швейцар.

– Послушайте, – спрашивают они у швейцара. – А у вас тут какая-нибудь ночная жизнь есть?

– Чаво?

– Ночная жизнь есть в вашем городе?

– Ночная жизнь? Конечно, есть! – обрадованно говорит старик. – А как же! Ого! Ой-ой-ой! Еще какая! Ночная жизнь – это беспрерывно! Как же без нее, без ночной жизни-то? Есть, есть, как не быть!

– Ну, и где же она?

– У *ей* сегодня зубы болят...

добру и злу внимая по возможности прилежно **Просто терапия**

Говорят, что проститутка продает свое тело. Просто тело.

Это неправда. Просто тела не бывает. Разве что в морге. Да и то если это тело незнакомого человека. Да и то мы тут же начинаем фантазировать: «Бедный парень, не пожил...» Или что-то в этом роде.

Тело и душа вместе живут.

Поэтому проститутка продает себя целиком.

Причем скорее в душевной ипостаси, чем в телесной.

Потому что клиенту нужна не физиологическая разрядка, о нет!

Ему нужна *женщина*. Партнерша.

Одному – униженная, покорная, жалкая, раздавленная. Которую можно давить и унижать дальше.

Другому – веселая, раскованная. Как бы любящая.

А кому-то – жестокая и наглая.

В любом случае – дающая чувство полноты существования. Пускай на короткое время и за деньги.

А как же иначе? Психотерапевт ведь тоже берет деньги. Он на короткое время играет роль ближайшего, интимного, душевного друга (а в некоторых терапевтических техниках – даже роль родителя). Он принимает в себя все ваши беды и боли, все самые стыдные воспоминания и переживания. Он сочувствует. Родная мать не бывает такой понимающей и доброй, как хороший психотерапевт.

Терапевт говорит: «Рассказывайте, не стыдитесь, не бойтесь, я не буду осуждать, я не стану обижаться, смеяться, презирать, я все пойму...»

Проститутка говорит: «Мне никогда, никогда, никогда ни с кем, ни с кем не было так, так, так, о, это просто сказка...»

Но потом надо отдать деньги за *сессию*.

Как и за *сеанс*.

Есть некие общие правила. Например, о психотерапевте, как правило, пациент ничего не знает. Ну, кроме некоторых формальностей типа диплома, лицензии. Личная жизнь терапевта должна оставаться тайной. А вот жизнь пациента должна быть открыта терапевту во всех подробностях.

Клиенты охотно выбалтывают проституткам все о себе. Особенно этим, которые любящие. Какие на работе проблемы, как сына от армии надо отмазывать, как жена не уважает. Но жизнь проститутки – тайна. На поверхности – стандартная, веками апробированная история: бедная юность в маленьком городке, приезд сюда, встреча с одной женщиной, которая уговорила попробовать. Точка. Аналог диплома в рамочке; не думаю, что пациенты подробно изучают подписи и печати на нем.

Чем доверительнее отношения, тем жестче рамки. Время, место, оплата и проч.

Кстати, кем хотят стать проститутки, которые мечтают о другой профессии?

Угадали. Врачами. Или медсестрами.

P.S. Все вышесказанное не означает оправдания (возвеличивания) проституции или осуждения (принижения) психотерапии.

красивое имя, высокая честь

Брендинг и нейминг

Нобелевская премия по литературе очень умно придумана.

Главный смысл завещания Нобеля был изменен почти сразу. Потому что Нобель велел награждать книгу, изданную в истекшем году и *исполненную идеализма*.

Если следовать этим указаниям, мировой бренд не получается. Получается причуда богача. Большие деньги за свежее испеченные благоглупости.

Поэтому сделали хитрее.

Стали награждать за творчество в целом. Хотя поначалу указывали, за какую именно книгу. Но Томас Манн сказал: «Меня формально наградили за „Будденброков“, но без „Волшебной горы“ я бы фиг что получил».

Стали награждать уже известных, уже великих писателей. Голсуорси, Гамсун, Киплинг, Бергсон и без Нобелевки были в полнейшем порядке.

Но таким образом менее известные лауреаты попадали в престижный клуб.

Это стало очень притягательно.

Далее. Нобелевская премия стала претендовать на планетарный охват. Тут тебе индийцы, китайцы, японцы, русские, греки, африканцы.

Далее стали награждаться не только писатели-реалисты, но и всякие авангардисты.

Далее – консерваторы, социалисты, атеисты, богоискатели...

То есть *вся литература*. В региональном, стилевом и идейно-политическом смысле.

Появились балансы. Появилась понятная очередность. За строгим моралистом-южноафриканцем последовала разнузданная левачка-австриячка, далее – британский классик абсурда, потом – орнаментальный турок. А до них – китаец, тринидадец, венгр.

Молодцы, в общем.

Конечно, свою роль играет денежное содержание. Все-таки самая большая премия в мире. Это важно.

Но самое главное – название.

У Альфреда Нобеля была очень удачная фамилия.

Nobel по-немецки – благородный. Не только в сословном, но и в самом широком, в самом лучшем смысле слова. Точно так же это воспринимается англичанами, французами, испанцами, итальянцами. Ноубл. Нобль. Нобле. Нобиле. И в русском языке есть слово «нобилитет» – историческое обозначение аристократии.

Нобелевская премия – *благородная премия*.

Если бы фамилия основателя премии была Хансен – ничего бы не вышло.

Хансеновская премия – даже смешно.

вверх и вниз
Стратегический выбор

Случайно услышал разговор – очень *дачный*.

Один старик говорит другому:

– А я со второго этажа вниз перебрался. Навсегда. То есть иногда забираюсь, конечно.

Но спать не ложусь. Теперь внизу живу.

– Что так? Ноги болят?

– Не только. Боюсь, помру наверху. Как они меня вниз стаскивать будут? Лесенка у нас узкая, носилки не развернешь. В охапке, что ли? Фу! – (Морщится, как будто сам вынужден на руках тащить покойника вниз по лестнице.)

Второй старик смеется:

– *Это уж не твои проблемы!*

просто хотелось дома побыть

Ангелочек

– Какой он ласковый был, – сказала Таня Сафонова, глядя в потолок.

На потолке по косому квадрату света плясали темные полосы: голые ветки обмахивали яркий фонарь; Сафоновы жили на третьем этаже; было четыре часа ночи; из колонии написали, что заключенный Сафонов Кирилл скончался в тюремной больнице номер такой-то.

– И красивый такой, беленький, – сказал Алик Сафонов, лежа рядом с женой.

Таня заплакала.

Потом перевернулась на живот.

– Он сначала такой был, – зло сказала она, – пока семь лет не исполнилось. А потом в родном доме воровал. Тупой к тому же. Двоечник.

– Да, – вздохнул Алик. – Сколько мы подарочков носили учителям, страшное дело.

– Жалко? – спросила Таня.

– Стыдно, – сказал Алик. – У таких родителей такой сын.

– Кирилла тебе жалко? – уточнила она.

– А тебе?

– Не знаю, – сказала она. – Давай ребеночка из приюта возьмем.

– Давай, – сказал Алик.

– Вечно ты со всем соглашаешься! – она заплакала снова.

Ребеночка, однако, взяли. Мальчик был уже большой – три годика с половиной. Но очень приятный. Смугло-бархатная кожа, как у Алика. Кудряшки светлые, почти белые, как у Тани. И глазки голубые. Ласковый. Стоит, голову задрал и улыбается приемным родителям. Говорит хорошо. Аккуратный. Сам кушает, не проливает. На горшок ходит. Ангел, а не мальчишка.

Сафоновы радовались; мальчика назвали тоже Кириллом; казалось, судьба наконец пожалела их. Но прошел год, потом два. Потом еще, еще.

Мальчик не рос. Ни в высоту, ни умом. Оставался ласковым малышом беззаботного детского возраста.

– Обрато не отдам! – сказала Таня.

– Его и не возьмет никто, – сказал Алик. – Ему уже восемь лет по документам.

Они перестали звать гостей. Продали квартиру и переехали на дачу, за высокий забор.

Однажды мальчик заболел. Первый раз за все время. Температура и кашель. Они боялись вызвать врача. Советовались в аптеке, брали разные таблетки. Не помогало. Мальчик стал задыхаться.

– Лучше так, – сказала Таня. – Мы умрем, что с ним будет?

– Дура! – крикнул Алик и вызвал скорую.

Приехал фельдшер, седой рябой мужик.

– Довели ребенка, – сказал он. – Под суд бы вас. Отек легких. Боюсь, не довезу.

Таня упала на колени.

– Встаньте, бабушка, – сказал фельдшер. – Слезами не поможешь. Сафонов Кирилл. Когда я на зоне служил, помирал у нас один Сафонов Кирилл, злой был вор, а смешной. Все говорил, что это не он золотые вещи из дома воровал.

– Неважно все это, – сказал Алик.

- Расскажите! – крикнула Таня.
- Не пойму я вас. Ну, закутали ребеночка?
- Но в детской кроватке никого не было.

живая очередь **Самые разные кораблики**

Когда-то я пытался учиться драматургии в семинаре Львовского и Кузнецова.

Львовский говорил:

– В пьесах бывают запрещенные приемы. *Умиравший ребенок. Одинокий старик. Ослепший художник.* И прочие вещи, которые всегда вызывают сочувствие и выжимают слезу. Их использовать нельзя, не надо, нехорошо. Это как удар ниже пояса.

Хотя бывает, что вся пьеса состоит из таких ударов ниже пояса. «Предупреждение малым суденышкам» Теннесси Уильямса, например. Там все несчастные: и кочующая косметичка, и ее безработный любовник, и спившийся врач, и юная дурочка, которая ходит умываться в общественный сортир. Рассказчик, старый одинокий бармен, – тоже.

Даже непонятно, кому больше сочувствовать.

В мое время в парикмахерских висели объявления: «Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, полные кавалеры Ордена Славы обслуживаются вне очереди».

Что будет, если два Героя и один полный кавалер Славы вдруг окажутся в одной парикмахерской?

Ответ простой: их будут стричь в порядке живой очереди.

Но я отвлекся.

Я о предыдущем рассказе «Ангелочек». Кто читал, говорят: тема беспроектная. В смысле, очень слезовыжимательная. В общем, удар ниже пояса.

Возможно.

Но если присмотреться, эти удары сыплются отовсюду.

Чем больше возможностей, тем больше тупиков. Чем больше удачных карьер, тем больше падений с переломами. Чем ослепительней богатство, тем невылазнее бедность. Чем сильнее медицина, тем она дороже: ах, как обидно помирать, потому что денег не хватило.

Человек едет в метро с сыном-олигофреном. Парень жуёт бублик, глядя вокруг бессмысленно-веселыми глазами; лицо отца покрыто горем, как серым пыльным загаром.

В желтой газете написано: робкая девочка взяла кредит на дорогой мобильник (чтобы стать *вровень с подружками*), ее уволили, и она покончила с собой.

Это, конечно, ужасные случаи, злая судьба, стечение обстоятельств.

Ну, хорошо.

Просто семья, обыкновенная семья, считающая копейки на прожитьё. Их родители считали копейки, их дети будут считать копейки. На большее нет сил, времени, возможностей души и тела: трудно заработал – экономно истратил; всё. Вот рамка их бытия, вот их заботы, вот их радости и страхи. Вот вам *человек, который венец творения*, который как-то там особенно *гордо звучит*.

Это что, не удар ниже пояса?

Так что будем описывать жизнь в порядке живой очереди.

принцип реальности **Красно поле рожью**

Немолодой интеллигентный человек рассказывает о своем племяннике:

– Чудесный мальчик! Очень подвижный, общительный. Добрый, умеет посочувствовать. Веселый, любознательный. Даже, я бы сказал, умный. Но... – мой собеседник болезненно сморщил лоб. – Но он иногда...

В моем уме пронеслась вся серия молодежных пороков.

Пауза меж тем длилась.

– Он что? – осторожно спросил я.

Негромкий горький вздох:

– *Он иногда лжет.*

Я, конечно, кивнул. Но в уме расхохотался. Боже ты мой! А я-то думал, что он иногда громко ругается матом. Хамит родителям. Прогуливает школу. Не приходит ночевать. Иногда выпивает. Берет деньги без спросу. Покуривает травку. Колется... А он всего-то иногда лжет.

Врет, проще говоря. Всего делов!

Потом мне стало стыдно за свой внутренний хохот.

Ведь мама с папой (а также бабушка с дедушкой и дядя с тетей) с детства нам объясняли, что врать нехорошо. Почему? А вот нехорошо, потому что плохо.

Мы, конечно, верили. Старались не врать. Когда врали – краснели и запинались.

Но вот что интересно. Религия (христианская) не считает ложь особым грехом. В списке семи смертных грехов лжи нет. В Ветхом и Новом Заветах тоже нет запрета на ложь. Сказано насчет верных весов и верных гирь: мерзок перед Господом всякий, делающий неправду (Вт., 25.16). Но это – именно *делание неправды*. То есть обман, который наносит реальный ущерб. Отсюда же запрет на лжесвидетельство (9-я заповедь).

Конечно же, Св. Писание полно осуждения лжи. Говорится, что мир лежит во лжи, что люди живут во лжи, и т. п. Ложь земная vs. Правда небесная.

Все так. Но нет прямого и беспрекословного приказания: «Не лги».

Наверное, в отсутствии запрета на ложь есть какая-то правда.

Наверное, легче научиться не красть, не завидовать, подставлять другую щеку, видеть бревно в собственном глазу, чем не лгать.

Вообще-то мы хорошие ребята. Общительные, веселые, добрые. Любознательные. Даже, можно сказать, умные.

Но – иногда лжем.

памяти патера Брауна **Friends only**

– Всем стоять! – и выстрел в потолок. – Не двигаться! – второй выстрел в старинную вазу, стоявшую на инкрустированном постаменте.

В тишине слышно было, как севрские осколки сыплются на паркет.

Двое мужчин в масках и перчатках стояли в дверях.

– Где хозяин? – голоса у грабителей были глухие и хриплые.

Хозяин, богач и меценат *NN*, поднял руки вверх, шагнул вперед.

– Пошли! – сказал один.

Второй остался у дверей, поводя пистолетом.

– Я не держу деньги дома, вы же понимаете, – говорил *NN*, отпирая сейф. – Здесь сравнительно немного, тысяч триста, кажется.

Грабитель молча сложил семь пачек пятисотевровых купюр в пластиковый мешок. Сгреб еще несколько бумажек.

NN был спокоен. На сейфе была добавочная, позавчера поставленная сигнализация. Сейчас приедет полиция.

Но как они вошли в дом?

Ах, да. У него ведь нет охраны. Но зачем ему охрана? У него нет врагов, он давно ушел из бизнеса, он благотворитель, известный всей стране. Он живет в уважаемом пригороде. Сегодня у него собралось человек сорок ближайших друзей – день рождения внучки.

– Назад идем! – командовал грабитель.

Они спустились по лестнице в парадный зал. Все гости – мужчины в смокингах и дамы в открытых платьях – прилежно выполняли приказ стоять неподвижно. Было похоже на музей восковых фигур.

– Уходим! – крикнул грабитель и выстрелил в люстру; свет погас. – Всем не двигаться пять минут! Читайте до трехсот! Вслух! Раз! Два! – и выстрелил в лампу в холле.

Стало совсем темно.

Гости покорным хором стали считать. Не успели они дойти до тридцати, двери с грохотом распахнулись, замелькали фонарики, и бодрый голос заорал:

– Ни с места! Полиция! Руки вверх!

Полицейские заняли дверные проемы, стали возле окон.

Минуты через три зажегся свет.

– Кого вы видите в первый раз? – спросил инспектор хозяина.

NN внимательно осмотрелся.

– Здесь только мои друзья, – сказал он.

– Вы в этом уверены?

– Рад вам представить моих друзей, лейтенант! – он назвал имена и титулы всех присутствующих: актеров, министров, поэтов, депутатов, живописцев, посланцев и даже одного лауреата Нобелевской премии.

– Значит, они успели уйти, – сказал инспектор. – Но как?

– Вам виднее, – сказал *NN*.

Назавтра инспектор позвонил и сказал, что патрульный обнаружил на обочине две маски. Очевидно, их выбросили из машины. Следствие продолжается.

NN положил трубку. Раздался новый звонок. На этот раз из университета. Он долго слушал, а потом сказал:

– Боюсь, что нет. Нет, нет, увы. Я решил свернуть большинство своих грантовых программ. *Извините, денег нет!*

квартира машина работа семья **Попытка к бегству**

Пусть он увидит, пусть. Не надо его беречь. Я всегда его берегла. И что я получила? Хватит, больше не буду. Но пугать не буду тоже. Я его предупрежу. Чтобы он не вляпался в неприятности.

Напишу на бумажке и повешу ее на дверь. Вот так: «Стой! В квартиру входи только с милицией. Я там вишу. В ванной. Там довольно крепкий крюк. Еще я выпила много таблеток и вскрыла вены, на всякий случай. Прости меня».

Нет, это смешно. Надо просто: «Я повесилась в ванной. Никого не винить. Я сама, в уме и памяти. На похороны зови всех, кроме КР. Не обмани! Прощай».

Нет, это лишнее. Соседи увидят, начнут ломиться. Получится ерунда. Ничего, пусть он испугается, не маленький. Записку можно в прихожей. Вот такую: «Прощай! Я повесилась. Никого не винить. Не говори КР. Целую».

Так лучше всего.

Она пошла в душ и долго там полоскалась, раздумывая, одеваться ей, или повеситься так, в голом виде. Решила сначала вытереться.

Зазвонил телефон. Она не стала выбегать из ванной. Телефон позвонил раз десять и замолчал.

Ну и наплевать, подумала она.

Пусть она достает меня из смятой машины, пусть. Хватит ее жалеть! Пусть она увидит меня, вмятого окровавленной головой в разбитое лобовое стекло. Ремни, воздушная подушка – если хорошо шарahnуться, то не поможет. Надо боком. В лоб и боком. Только чтобы она не догадалась, что я нарочно. Записка? Какая чушь! Может, еще КР привет передать?

Но попрощаться надо. Просто сказать: прощай. Пусть думает, что хочет.

Он набрал номер. Никто не подошел. Ну и наплевать, подумал он.

Проехал по глухому загородному шоссе еще километров пять. Как нарочно, ни одного грузовика навстречу.

Он долго решал, посылать смс или нет. Решил, что все-таки да, надо.

Свистнула смска в ее телефоне.

– Достали! – закричала она, красиво одетая, надушенная и накрашенная.

Взяла телефон. Там было написано: «Я разбился на машине. Прощай. Позвони КР. Целую».

Она швырнула в сторону блестящую капроновую веревку.

Он опять ее обогнал.

Хотела позвонить в милицию, сказать его фамилию и номер машины, но не было сил. Сидела на диване и смотрела какую-то чушь по третьему каналу.

В половине двенадцатого она услышала ключ в двери.

Бросилась в прихожую, схватила и разорвала записку. Кинула ее в унитаз. Спустила воду.

– Когда ни приду, – громко сказал он, снимая ботинки, – она всегда в сортире. От кого ты там прячешься?

– Есть будешь? – спросила она. – Чего молчишь? Тебя кормить?

– Руки вымой, – сказал он.

– Не смешно! – сказала она.

значение и смысл
Девять слов о любви

Этот разговор я случайно подслушал много лет назад.
Дачный поселок, парк, внизу – река, над рекой – скамейка.
На скамейке – два силуэта на фоне закатного неба.
Он спрашивает:
– Я тебе нравлюсь?
– Да.
– Как человек или как парень?
Долгая пауза.
Значит, *как человек*... Обидно за парня.

повстречал Эдип Электру **Хороший, но плохой**

Еще о *человеке и парне*.

Не знаю, как это называется теперь.

Но в мое время у некоторых непростых девочек, у таких незаурядных, которые с короткой стрижкой и в свитере, – у них было по два кавалера. Один назывался *мой мальчик*, а другой – *мой друг*. С одним целовались, с другим ходили в музей и на концерт. Для фортепьяно с оркестром.

Разумеется, возникали некоторые трудности общения. Но непростая девочка держалась изо всех сил. Потому что ей было скучно, ей было не о чем разговаривать с *мальчиком*. И совершенно не хотелось целоваться с *другом*.

«Бывает любовь, а бывает секс», – убеждена непростая девочка. Если любовь и секс соединяются – получается так называемое счастье. Но его не бывает. Потому что не может быть никогда.

Кажется, именно из этого твердешего убеждения непростой девочки – «счастья все равно никогда не будет» – возникают такие, что ли, половинчатые персонажи ее жизненной драмы: прекрасный любовник, но скверный муж; отличный хозяин, но неважный отец; надежный спутник, но черствый человек; заботливый семьянин, но плохой добытчик...

Это же, разумеется, относится и к непростым мальчикам, которые с юных лет были убеждены примерно в том же. Для которых одна девочка была *девочка*, а другая – подруга, знакомая, хороший-добрый-умный *человек*.

А все, наверное, начиналось просто: он(она) дает не то, что я от него(нее) жду.

Дает что-то хорошее, приятное и полезное. Спасибо. Но – не то.

А если не то, зачем тогда брать?

Боже, как это часто бывает. И как редко люди это понимают, умея только смутно ощутить жизненную неудачу.

Вопрос же, что такое счастье, остается открытым. Как всегда.

рассказ моего друга **В первых числах января**

Мой товарищ рассказывал: «Была у нас на курсе девочка по прозвищу Бледная Клара. Из Вильнюса. Удивительно некрасивая, с бескровным лицом, белесыми волосами, бесцветными глазами и острыми клычками. Хотелось потрогать их пальцами, ощутить легкий укол.

Однажды я позвонил Бледной Кларе (была куча общих друзей-подруг, и на квартире одной такой подруги она проживала в тот момент), позвонил и сказал: „Кларочка, не откажи в любезности, мне сегодня, представь себе, негде ночевать“. Что было отчасти правдой. Она сказала: „Пожалуйста, но ко мне должна зайти приятельница с кавалером, но это ничего“.

Ничего так ничего, я прихожу, мы пьем чай, и получается интересная штука: у меня были чудесные женщины, умницы и красавицы, и со всеми я расходился. Но вот сидит передо мной Бледная Клара, похожая на утопшую ундину, тихая, неважно одетая – и душа моя переполняется желанием и нежностью. „Клара, – говорю я ей. – Ты мне очень нравишься. Ну, иди сюда, ну, скорее...“ „Ты уверен?“ – спросила она. Я схватил ее за руки и зашептал слова любви. Вот оно, счастье мое, с вялыми локонами вдоль бледных щек. С острыми зубками и толстыми ножками.

Но тут раздался звонок. Гости пришли. Какой-то красавец, а с ним – звезда и чудо нашего факультета Галя Кашина. Прекрасная, как я не знаю кто. Я неожиданно для себя стал задираить ее кавалера. Он сносил мои грубые шутки терпеливо. А Галя хохотала и сверкала зелеными глазами. Но вот гости ушли. Я пересел от стола на диван, потом улегся, закинув руки за голову. В окне было видно, как усы троллейбуса искрят по проводам – был сырой январь, буквально первые числа. И я почувствовал, как все мои нежные мысли про Бледную Клару исчезают. Мне стало стыдно. Особенно когда она вошла, села рядом, а потом прилегла и стала ко мне принеживаться.

– Кларочка, – сказал я. – Прости меня. Я говорил разные слова. Не обращай внимания.

– Ладно, – сказала она, – полежим тихонько. Слушай, что я могу для тебя сделать? Ты мне тоже нравишься. Ну, не тоже, а просто. Давно нравился. Ну, говори, говори.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Тогда вот, – сказал я. – Тогда завтра позвони Гале Кашиной и скажи, что я в нее влюбился. Что я хочу на ней жениться.

– Я обещала, – сказала она. – И я сделаю. Ну, встали... Или поспишь?

– Встали, – сказал я.

Через два дня Бледная Клара позвонила и спросила, под каким соусом устроить мне встречу с Галей. Соус нашелся – какие-то редкие книги. Галя пришла за этими книгами ко мне домой. И ушла через тринадцать месяцев. Но это уже другая история.

А недавно я встретил своих вильнюсских друзей и спросил про Бледную Клару. Оказалось, она потом вернулась в Вильнюс, а там познакомилась с каким-то пожилым и хворым шведом. Обвенчалась с ним, поехала в Швецию, скоро овдовела, немножко преподавала, потом вышла на пенсию, и теперь живет тихой шведской старушкой то ли в Упсале, то ли в Гетеборге. Странная штука жизнь», – вздохнул мой друг.

– Ничего странного, – сказал я. – На себя посмотри: тихий московский старичок.

Он засмеялся, но несколько принужденно.

мотив социального действия

Начало

Рассказывают, что поэт Бродский когда-то в юности увидел на скамейке брошенный иностранными туристами журнал, где были фотографии зимней Венеции; и он поклялся сам себе и случившемуся рядом другу, что обязательно побывает в Венеции зимой. Так и вышло. Конечно, вместе с этим в жизни Бродского произошло немало всякого: суд и ссылка на родине, эмиграция, успех во всем мире, авторитет большого поэта современности, премии, издания, путешествия – в том числе и в Венецию, где его, согласно завещанию, и похоронили.

Наверное, кроме Божьего дара и упорного труда, нужна какая-то дополнительная пружинка-шестеренка, которая приводит всю жизнь в движение согласно странной, быть может, цели. Ну что за блажь, в самом деле, зимой попасть в Венецию? То есть не само желание – блажь: почему бы не помечтать о таком путешествии, живя в закрытой и печальной стране... Блажью кажется превращение этого маленького желания в самую главную пружинку.

Но кто знает, как повернулась бы русская литература, не попадись молодому и мало кому известному поэту Бродскому этот журнал на скамейке в пустом ленинградском сквере? Не будем гадать. Очевидно, в этом журнале были очень хорошие фотографии опустевшей Венеции под крупными хлопьями мокрого снега.

Студентка Татьяна Авдюхина тоже нашла журнал. Глянцевый, на один просмотр, какие без счета издаются и продаются в нашем – ныне открытом и веселом – отечестве.

Дело было в институтском скверике. Журнал лежал наискосок скамейки, как нарочно открытый на нужном месте.

Там тоже были хорошие фотографии, но не Венеции, а молодой женщины, красивой и даже умной, судя по интервью. Она говорила, что увлекается немецкой философией и любит фотографировать заброшенные фабричные здания. Сама она жила в небольшой вилле на берегу Адриатического моря. Еще у нее была квартира в Германии, лыжный домик в Норвегии, несколько спортивных автомобилей и, пожалуй, все. Да, еще у нее был бывший муж, который оставил ей все это добро плюс немалое денежное содержание. Еще было несколько предложений поработать фотомodelью. Но она пребывала в размышлениях.

Почему фотомodelью, а не профессором немецкой философии или промышленной архитектуры?

Ах, да, конечно, – она была очень хороша собой. Даже странно, почему от нее ушел муж. Или она сама его бросила?

Женщина из журнала была похожа на кого-то очень знакомого. У Татьяны от попыток вспомнить даже в глазах защекотало, она потеряла веки и нечаянно размазала тушь. Достала из сумки платок и пудреницу с зеркалом. И увидела, что там, на фотографиях – она. Лицо и вся фигура. С точностью до ресниц и пальцев. До малейших волосков бровей на снимках крупным планом.

– Понятно! – громко сказала Татьяна сама себе.

Сунула журнал в сумку и решила ехать на такси.

были Святки по старому стилю

Судьба

Надоело рассказывать о людях несчастных, с несложившейся судьбой; о людях, живущих в бесплодном биении о неприступные твердыни жизни.

Давайте-ка лучше обратим взор на людей удачливых и дерзких, которые приручили судьбу. Позвали ее к себе, и она приехала, хлопнув автомобильной дверцей вниз, стукнув дверью парадного и звякнув лифтом, и вот звонок в дверь, судьба идет, она скидывает в прихожей свой песцовый жакет – о, полярное сияние судьбы! – и, окруженная тающим облачком мороза, входит и садится в кресло.

Она ищет в сумочке сигареты и выкладывает на стол тугой кошелек с торчащими золотыми кредитками и пропусками в элитарные клубы и целую гирлянду ключей: от квартиры и дачи и еще от дома одной подруги-латышки, она сейчас в Америке надолго, у нее небольшой двухэтажный особняк на Рижском взморье.

Вот она находит сигареты, я такой марки не знаю, плоские и длинные, без фильтра, в жестяной коробочке с вензелями.

Окутав медовым курением дом, она сидит, без стыда и кокетства выставив сладкие колени и нежные икры, наполовину прикрытые лайковыми голенищами коротких сапог, и я верю, что человек сильный и смелый имеет право на такую судьбу.

Да, но нужно на стол что-нибудь поставить. Полбутылки коньяку, апельсин, конфеты.

Она смеется. Вообще-то сегодня она не успела пообедать. Мы идем на кухню.

Ест она с аппетитом, нежные желваки ходят по ее пушистым вискам, и я наливаю ей четвертую рюмку.

Она смотрит на меня ласково и печально и вдруг встает и шагает к двери; мне страшно, что судьба опять уйдет от меня, ускользнет, насмеется, но я заступаю ей дорогу, я беру судьбу в свои руки, за плечи, за талию, я никуда ее не отпущу, и она, прижавшись ко мне, щекотно шепчет прямо в ухо, что ей... ну, в общем, на секундочку, на одну секундочку...

Да, да. Я слышу шипение душа и журчанье воды. Бегу в комнату, быстро стелю постель, гашу верхний свет и включаю настольную лампу, отвернув ее к стене для полумрака. А на столе, верным знаком присутствия судьбы, лежат ее кошельки, визитницы и волшебные связки ключей.

В ванной все еще журчит вода. Я возвращаюсь на кухню, сажусь на табурет и злюсь, что так долго. Неблагодарный! Сколько лет ты ждал своей судьбы, ждал трепетания ее мощных крыл над своей головой и вот теперь не можешь подождать еще полминуты?

Через полминуты приоткрывается дверь ванной. Она просит чуточку не выходить из кухни и пробегает в комнату.

В ванной на никелированных трубах сушатся ее трусики и колготки. Сапоги стоят в углу, чтобы брызги не долетели. Умываюсь. Потом иду к ней.

Настольная лампа все так же горит, повернутая к стене, но нет на столе ни парижской сумочки, ни ключей – ничего нет, а есть только пластиковый пакет, а в этом пакете – общая тетрадка, учебник английского, пачка «Житан» и зажигалка.

А она – спит. Спит, положив ручки под щечку, отяжелев от полной тарелки макарон с сыром, разморившись от коньяка, распарившись от горячего душа. Спит, дыша глубоко и чисто, и радужный пузырек в уголке ее улыбочивых губ возникает и лопается на вдохе.

Судьба моя, это ты?

там, за облаками **Паша Каграманов**

– Ребята сказали, что умер Паша Каграманов, – вслух произнес Сидоров. Он был один дома, он поздно встал и ходил по квартире в халате, потому что вчера была сдача номера, а сегодня – день отдыха.

Хорошая фраза, подумал он. Нет, плохая. Как это – *ребята сказали*? Хором подошли и сказали? Или по очереди подходили и говорили? Не годится.

Однако надо было найти нужную форму для этого сообщения. Строго и без надрыва.

Потому что Паша Каграманов – это была выдумка. Старый школьный приятель, который вдруг возник в одной компании, милый парень, научный сотрудник в каком-то техническом НИИ, холостяк, живший на окраине Москвы, душа-человек, собирал старых друзей чуть ли не каждую неделю. Веселую чисто мужскую компанию.

Вымышленный Паша Каграманов появился в жизни Сидорова именно тогда, когда в редакции появилась вполне реальная *N*, внештатный сотрудник отдела культуры: быстрый и безоглядный роман. Сидоров просто голову потерял, но все же ему хватило ума сочинить себе вот такое прикрытие.

Несколько лет Паша Каграманов рос по службе, защищал диссертацию, устраивал новоселье и часто звал к себе на дачу с ночевкой.

Время сеять, время жать, время собирать в житницу – вот и для юной *N* настало время молотить муку и печь хлебы, кормить ребенка маленькой смуглой грудью и развязывать ремешки сандалий на пыльных ногах мужа, но на эту последнюю роль Сидоров никак не годился. Они расстались *трезво*, без попреков и обид, что бывает редко.

Вчера и расстались. Осталось распорядиться судьбой Паши Каграманова.

У Сидорова от этих мыслей разболелась голова. Он вышел пройтись. Ноги сами привели его на Ваганьково, поскольку жил он на Пресне.

У ворот стояла небольшая толпа: старушки с цветами и фруктами на шляпах, пожилые дамы в ортопедической обуви, девицы в толстых очках, молодые люди с редкими бородками и дети в белых рубашечках.

Подъехал катафальный автобус; гроб вытащили и поставили на тележку. Все собрались вокруг. Тележку повезли вглубь кладбищенских аллей. Толпа тронулась. Там еще был громадного роста азиат в просторной рубахе и барашковой шапке – надо полагать, духовное лицо. Его все время пропускали вперед, а он замедлял шаг, не хотел идти во главе процессии.

Сидоров подошел к нему и, поборов неловкость, спросил, кого хоронят. Не Каграманова ли?

Тот покачал головой и назвал короткую незнакомую фамилию.

– А Каграманова завтра хоронят, – вдруг сказал подвернувшийся сбоку кладбищенский мужичок. – На седьмом участке. Уже могилку отрыли. Похороны будут – вы что! Два оркестра, сто венков! Пал Львовича все уважали!

Вечером жена спросила Сидорова, отчего это он такой мрачный.

– Паша Каграманов умер, – сказал он и уставился в угол, чтоб не заплакать. – Молодой мужик, черт знает что...

психопатология обыденной жизни

Рациональное зерно

Лето. Отпуск. Дача. Соседка. Прогулка с детьми. Я со своим, она со своим.

Соседка, высокообразованная и даже интеллектуально утонченная молодая женщина, рассказывает, как ее только что обругала свекровь. Говорит: «Но меня, поверь, эта наглая дура совершенно *не интересует!* Она хамит, а мне *наплевать!* Она говорит глупости – а я ведь на нее просто *не обращаю внимания!* Она идиотка – но я ее *не замечаю!* Она сволочь, стерва, сука, но – вот ребенком клянусь – она меня *ни капельки не волнует!* *Не задевает!!* Она для меня *не существует!!!*»

Дорога до речки – полчаса, на речке с детьми – час с небольшим, дорога обратно – минут сорок, потому что в горку. Итого два с половиной часа моя соседка безостановочно, без передышки, к тому же пылко, страстно и довольно громко доказывает мне, что она свою свекровь ну просто в упор не видит. Игнорирует.

И эти люди запрещают нам ковырять в носу.

То есть говорят, что они сознательно управляют своими поступками.

Трезво, взвешенно и рационально.

Обдумал – принял решение – сделал.

Среагировал. Или *проигнорировал.*

транскрипция **Гитара мадонны**

Городок был маленький, но лучше деревни, потому что в нем была тарная фабрика, школа, продмаг, универмаг и целых три столовых – трест питания «Ромашка».

Антонина Чугаева по прозвищу Тося Чугун там работала уборщицей и судомойкой, ей было семьдесят два, но ее не увольняли, потому что крепче ее не было бабы в городке. А ее муж Саша был на пенсии, он был раньше техник на тарной фабрике. А совсем раньше они были покорители целины и вот потом вернулись. Но не в родную деревню, а сюда.

Тося Чугун приходила домой поздно; Саша встречал ее ужином. Она молча съедала макароны с мясом, выпивала полстакана портвейна и шла посидеть на крыльце, взяв с собой гитару; это ей на целине подарили. Тося перебирала струны и тихо бурчала:

Ехали на тройке, хрен догонишь,
А вдали мелькало, хрен поймешь...

Мимо пробежала повариха Мадина Мадоева, которую дразнили Мадонной за большую грудь и белую прическу.

– Чугунка, поиграй, а я спою! – кричала Мадонна Тосе.

– Беги давай, блядь нерусская! – кричала Тося Чугун.

Мадонна убежала, хохоча. Тося сидела в обнимку с гитарой до темноты.

– Тося, – в один такой вечер вдруг позвал ее Саша из дома. – Помнишь, у нас сыночек был? В Иртыше утонул...

– Чего это ты вдруг вспомнил? – спросила Тося, входя в комнату. Саша лежал одетый на кровати.

– Как его звали-то? – просипел Саша.

– А тебе зачем? – обозлилась Тося.

– Я помираю, – сказал Саша и помер.

Тося побежала к соседям звонить в скорую помощь.

Потом вернулась. Саша лежал на кровати. Она вышла во двор.

– Чугунка! – крикнула ей Мадонна. – Чего не играешь?

Тося схватила с земли камень и кинула в нее. Попала по ноге.

После похорон были поминки: пришли из «Ромашки» и два старика с тарной фабрики, все в костюмах, пили за вечную память.

Вечером все ушли, и стало скучно. Теснило в груди. Тося выпила еще, прихватила гитару и пошла на крыльцо. Темнело. Какая-то фигура болталась во дворе.

– Эй! – крикнула Тося. – Поди сюда или мотай отсюда!

Фигура приблизилась. Это была Мадонна в темном платице. Тося вспомнила, что она ее одну не пригласила на поминки, хотя они работали вместе.

– Извини, забыла, – сказала Тося. – Забегалась. Горе такое, потеряла друга жизни. Заходи, налью. В дом иди, бери бутылку, тащи сюда.

А сама перебрала струны и громко запела:

Ехали на тройке, хрен догонишь,
А вдали мелькало, хрен поймешь...

- Какая у вас гитара красивая, – сказала Мадонна.
- Возьми себе, – сказала Тося Чугун. – У нас сыночек был. Восемь лет было. Утонул в Иртыше.
- А как его звали? – спросила Мадонна.
- Отвяжись! – закричала Тося Чугун и вдруг повалилась с табурета.

Но никто ни разу не спросил, откуда у Мадонны такая хорошая гитара. Хотя она играет на ней и поет разные песенки. «Браво, Мадонна!» – кричат ребята. А она трынькает ногтями по струнам и раскланивается.

сцены из жизни богемы

Третий роман

Алена сидела за столом и читала роман писателя Абрикосова. В рукописи. Абрикосов по работе был переводчик с немецкого, но на самом деле он, конечно, был настоящий писатель.

Они познакомились в редакции, куда Алена принесла свои стихи. Редактор ее остроумно обхамил: *в ваших стихах есть отдельные удачные слог*. Абрикосов как раз сидел там и пил чай, но смеяться не стал, а проводил до метро, потом позвал к себе пить чай, и она у него незаметно осталась жить. Он зарабатывал мало, а она – вообще ничего. По вечерам он ей рассказывал про литературу, он был страшно образованный, вся квартира – сплошные книги.

Это был второй роман, Абрикосов ей говорил. Первый он *уничтожил*.

Читать было интересно, но трудно. За каждым непонятным словом Алена лезла в энциклопедию. Потом вынимала спичку из коробка и клала на краешек стола. Через два часа получилось двадцать восемь спичек, и они кончились. Алена пошла на кухню за вторым коробком.

Тут щелкнул ключ в замке, и вошла тетка лет сорока, красивая и модная. Запахло незнакомыми духами. Она вперлась прямо в кухню. Поставила на стол пакеты.

– Вам кого? – спросила Алена.

– Добрый ангел прилетел, – сказала тетка. – Давай, деточка, разложи продукты. И приברי в доме, под ногами хрустит, срам какой. И запомни: он засранец, но добрый. Вот я ногу сломала, он мне по восемь часов массаж делал.

Это была скрипачка Ася Гринецкая. Когда-то она была девочка из Гнесинки; они прожили десять лет, но она уж очень сильно рвалась вперед и вверх.

– *Все выше, и выше, и выше!* – иронически напел Абрикосов.

– А чего плохого? – сказала Алена. – Она же свой успех развивала, так?

– Так, так, – он поморщился. – Но я тут при чем?

Алена хотела спросить «а зачем ты у нее жратву берешь», но удержалась. И спросила:

– А когда я стану знаменитая, ты меня тоже бросишь?

– Никогда, – сказал он.

Непонятно, что он имел в виду: что он ее никогда не бросит или что она никогда не станет такая знаменитая, как Ася Гринецкая.

Она дочитала роман, и ей не понравилось.

Даже странно. Она просто обожала Абрикосова. Преклонялась перед его умом и душой. *Но ум – одно, душа – другое, а талант – и вовсе третье*, подумала Алена и удивилась, что думает такими словами; это ее Абрикосов научил разбираться в жизни и литературе. Кто она без него? Темная девочка из пединститута с дикими стихами и океанскими амбициями. Но роман все равно был плохой.

Она собиралась ему это прямо сказать, но все не случилось: то его не было дома, то она уходила на вечер молодых поэтов. С одного такого вечера она уехала в Питер, там была большая тусовка с художниками и режиссерами. Позвонила уже оттуда и сказала, что вернется не знает когда. Хотя это, конечно, нечестно. Но что поделаешь.

Через месяц Абрикосов сидел в кабинете у старого приятеля, который вдруг заделался кинопродюсером. Приятель объяснял, почему сценарий не годится.

– Ты только цени откровенность, – говорил он через каждое слово.

– Спасибо, уже оценил, – сказал Абрикосов и вышел.

Там был садик, в садике лавочка, а на лавочке сидела девочка.
Очевидно, актриса, которую не взяли на роль.

базар житейской суеты **По-настоящему**

Жил-был художник один. Потом он умер в глубокой старости.

На самом деле жил он, конечно, не один. Он был женат, причем не раз. Еще у него было несколько любовниц. Были также дети – от законных жен и от любовниц тоже.

Когда художник умер, все вдруг начали выяснять, кого же он любил по-настоящему. Кто был его музой и вдохновительницей, прибежищем усталой души и вообще главной женщиной его жизни.

Выясняли это разные пожилые дамы. И дети – особенно дочери – давно скончавшихся пожилых дам. Поскольку художник, как было сказано, умер в весьма преклонном возрасте.

Ситуация усложнялась тем, что этот художник не изображал женщин. Мужчин, правда, он тоже не жаловал. Равно как детей, стариков и прочих ни в чем не повинных мирных жителей. Так что нельзя было ткнуть пальцем в женский образ на картине и воскликнуть: *вот она!* Потому что на его картинах были разные кубики и цилиндрики, разводы и полосы.

Но тем легче было доказывать, что *она* – это мадам такая-то. Правда, опровергать это было тоже нетрудно. Этим и занимались претендентки и наследницы претенденток.

Кстати сказать, о наследстве речь не шла, потому что все свои картины, деньги и знаменитую виллу престарелый художник еще при жизни завещал музею своего имени. Точнее сказать, музеем себя. Он и жил-то в последние годы в своем доме, как в музее, выходя к посетителям в качестве экспоната.

Теперь туда стали ездить разные пожилые дамы, и каждая намекала визитерам, что она и есть главная муза и основная вдохновительница. Иногда случались неприятные стычки. Что касается последней законной жены, то ее никто в грош не ставил. Потому что художник женился на ней в семьдесят девять, а ей тогда было девятнадцать. Правда, они прожили вместе четырнадцать лет, то есть гораздо дольше, чем некоторые спутницы его юности, – но все равно.

Хотя она была серьезная женщина и издавала дневники своего покойного мужа.

В одном из них был такой пассаж:

Вчера мне вдруг приснилась она. Мы обнялись и легли на ковер. Я ощущал не страсть, но какую-то странную, дотоле не испытанную нежность, у меня дрожало сердце и наворачивались слезы, когда я прикасался к ее плечам и целовал ее глаза и губы. Я был счастлив.

И потом сразу – про светотень у Моранди.

Каждая из претенденток доказывала, что *она* – это она и есть. Или ее мама, коли в дело вступали дочери покойного. Но доказать ничего было нельзя, потому что запись была очень поздняя. Почти предсмертная.

Все хотели раскрыть тайну.

Тайну знала его последняя жена.

Художник на самом деле был однолюб. Он любил только свою работу. Впрочем, женщин он тоже любил, но как тот грузин из анекдота: *целовать любил, а так – нет.*

Так он любил свою картину, которую писал сейчас. Когда заканчивал – разлюблял и полюблял следующую.

– Тупой был человек и бессердечный, – говорила она. – А это просто фантазии.

Но ей не верили.

по закону

Интеллектуальная собственность

Жил-был художник другой.

У него была жена и любовница.

Вернее, так. Любовница была его фактической женой. Гражданской, как принято говорить. Он жил с ней много лет, до самой смерти. Сначала так, а потом – под одной крышей. Но с прежней супругой он по каким-то загадочным причинам не разводился.

Он часто путешествовал – то по Европе, то на этюды. И писал своей жене письма. Своей фактической жене, я имею в виду.

Конечно, в этих письмах были разные милые нежные слова. Как он ее любит, как скучает без нее, что он ей купил и везет. Но кроме того, он писал о своих творческих исканиях, о работах друзей, о судьбах искусства, о городах, в которых был, описывал разные памятники архитектуры и картины старых мастеров. Выставки, встречи с зарубежными собратьями по живописному цеху. А когда он уезжал на этюды, то писал о родной природе, о русской деревне, о простых людях, с которыми общался.

В общем, эти письма представляли собою, уж простите за канцелярский слог, немалый культурный интерес. Тем более что писал их известный художник.

Поэтому, когда он скончался в почтенной старости, его фактическая жена – адресат этих писем – через некоторое время решила их издать.

Отдельной книгой с иллюстрациями.

Все уже было готово.

Но об этом прослышала его законная жена.

Через своего адвоката она наложила запрет на публикацию.

Потому что она была единственной наследницей авторских прав.

Письма как *материальный объект* были собственностью фактической жены.

Никто не пытался их у нее отнимать.

Но письма как *текст* были собственностью законной жены.

Никто не мог опубликовать их без ее разрешения. Ну, и без уплаты гонорара.

Она, естественно, не хотела, чтобы эти письма, где он называет другую женщину разными нежными словами, были напечатаны. Чтобы люди узнали, кого ее законный супруг на самом деле любил, кому адресовал свои размышления о высоких материях.

Впрочем, все об этом давно знали.

Но книга так и не вышла.

Ждать надо 70 лет, кажется.

история с геологией

Точка возврата

Один злой и циничный старик был геологом, начальником партии.

Он рассказывал: «В экспедицию я непременно брал женщину. Повариху. Обязательно не очень молодую, между тридцатью и сорока, и обязательно некрасивую. Специально выбирал. Чтоб была такая жилистая, приземистая, можно даже рябая. Зачем женщина? Чтобы ребята не очень дичали, не матерились бы через каждое слово, я человек вообще-то резкий, но бытового хамства не люблю. А тут все-таки женщина рядом. Зачем некрасивая? А чтобы ребята с первого дня не начинали перед ней хвосты распускать.

Но все это ерунда на самом деле. На самом деле она была нужна вот для чего.

Месяц прошел. Два. Два с половиной. Три.

И вот в начале четвертого месяца примерно – может, раньше, может, позже – сажусь я, значит, на бревно в ожидании обеда, а она у костра с котлами возится.

Смотрю на нее. Немолодая, конечно. И некрасивая. Но очень заботливая. Как хорошо готовит! Когда миску с кашей подает, улыбается так ласково, уютно, по-домашнему.

Вот я и думаю: я уже старый человек на самом деле. Одинокий. Вот приеду домой, в пустую квартиру, пахнущую лежалой бумагой и холодным папиросным дымом... Плохо одному. А она такая добрая, милая, где-то даже симпатичная...

Стоп-стоп-стоп! Вот оно. Дурдом подкрался незаметно.

Я тут же встаю с бревна и кричу:

– Серега! Давай радиограмму! Ждем вертолета!

Шабаш, ребята.

Мы славно поработали.

Пора отдохнуть. А то совсем в тайге с ума сойдем».

возвращаясь к предыдущему **Ресторанная критика**

В небольшом, красивом и богатом немецком городе я жил в маленькой, но очень классной гостинице. При гостинице был ресторан. Тоже классный: хрусталь, серебро, тончайшая белизна салфеток. Вкуснейшее меню. Великолепное обслуживание.

Одна небольшая странность: ужасно некрасивые официантки. Просто как на подбор: низенькие, крепенькие, с рыжими веснушками на короткопалых ручках. С добрыми сельскими улыбками на курносых скуластых личиках. Как будто гномы женского пола. Гномихи, так сказать.

Я спросил у метрдотеля, в чем тут дело. Ресторан едва ли не первый в городе...

– Первый, – со спокойной гордостью сказал мэтр.

– И такие, мягко выражаясь, непривлекательные официантки?

– Это наша политика, – сказал он.

– То есть вы такие добрые, что берете на работу таких дурнушек? – не понял я.

– Нет, нет, не то! – объяснил он. – Если официантка красивая, то клиент на нее засматривается. Провожает глазами. А спутница клиента недовольна. Это плохо. У нас специально такие официантки, что любая женщина будет гораздо красивее. Поэтому к нам любят ходить семейные пары. Женихи с невестами. А также влюбленные. У нас не американский салун, *хо-хо, крошка Мэри!* – засмеялся он, – у нас дорогое заведение для приличных людей.

Мудро.

Но я представил себе такую специальную дурнушку. Как она возвращается к себе домой, садится отдохнуть у телевизора. Там пляшут разные красотки. Им платят за тонкую талию и длинные ноги.

А ей – за веснушки и толстые икры, за простодушную глуповатую улыбку.

Справедливость.

То есть гадость.

поворот беседы **Живые и мертвые**

Вот говорят – и правильно, наверное, говорят, – что внешняя красота не самое главное, что важнее всего человеческие качества. Свойства души и ума.

Согласен на все сто. Точнее, на девяносто девять.

Или даже на шестьдесят два с половиной.

Потому что эти разговоры касаются живых людей.

А вот к изображениям – от мраморных статуй античной древности до современных фотографий – это почему-то не относится.

Мы восхищенно взираем на греческих Афродит и Артемид, на римских Юнон и Диан, на обнаженных красавиц Бернини и Кановы, на божественных женщин, изваянных мастерами русского классицизма, и говорим: как они прекрасны! Как они гармоничны, соразмерны, изящны, грациозны!

Почему они нам так нравятся?

Потому что неживые? Изображенные?

К живой красавице у нас масса вопросов. Какой у нее духовный мир? Образование? Характер? Умеет ли она готовить? Заботливая ли хозяйка? Верная ли жена? Хорошая ли мать? Даже происхождение, социальное и региональное, может заинтересовать. Вдруг она быдлячка и жлобка? Или говорит с невыносимым акцентом? Это сразу обесценивает идеальные пропорции ее тела.

Шла бы ты, девочка, в кордебалет! Или в стриптиз.

Никто не будет поклоняться величавой красоте твоей фигуры.

Ни у кого не появятся умиленные благоговейные слезы при взгляде на твои руки, плечи, грудь, бедра, лодыжки.

Как при созерцании Афродиты Книдской.

Хотя никто не знает, что она за человек (натурщица великого ваятеля, я имею в виду).

Может, это была такая дрянь и тварь...

Хотя у вас с ней совершенно одинаковые тела. Хоть сантиметром мерь.

И лица тоже.

говорят, под Новый год **Сюрприз**

Один Великий Музыкант...

Начинается как сказка или притча, но это совершеннейшая быль, и дело происходило в наше время в нашей стране, но Музыкант на самом деле был Великий. И так.

Один Великий Музыкант позвал друзей к себе на Новый год. Это были признанные деятели искусства: Композитор, Художник, Актер и Поэт. А если учесть, что жены у них тоже были у кого поэтесса, у кого критикесса, у кого певица, у кого светская львица, – то получалось в высшей степени изысканное собрание.

Музыкант попросил прийти *ровно в половине двенадцатого*. Ни раньше, ни позже. Потому что будет сюрприз.

Поэтому гости, все четыре пары, поднялись на лифте (вернее, на двух лифтах, по очереди) на шестой этаж помпезного дома на Тверской улице и ровно в половине двенадцатого нажали кнопку звонка.

Но никто не открывал. Позвонили еще раз. Еще и еще.

Наконец услышали какое-то шарканье.

Щелкнул замок. На пороге стоял Музыкант. Он был в халате и тапочках. Он чесал седые патлы, сонно вглядываясь в гостей, и вдруг закрыл лицо и застонал:

– Боже! Господи! Ой-ой-ой! Днем приехала дочка с мужем, у нее новый муж испанец, привез вино, легенькое такое, а как шарахнуло по ногам и по башке, мы с Танечкой рухнули и заснули... Что делать-то? – он беспомощно озирался. – Вот ведь старый болван! Давайте, заходите, раздевайтесь быстро, вот сюда, посидите тут, – он впихнул гостей в небольшую комнату, – пойду Танечку растолкаю...

И скрылся в темном коридоре, что-то жалобно бормоча.

Гости огляделись. В больших роскошных квартирах иногда бывают такие комнаты для всякого барахла. Два дивана, старые кресла, шкаф, стопка книг в углу.

– Н-да, – сказал Художник. – Однако.

– Сюрприз, – хмыкнула жена Актера.

Но через пять минут дверь шумно распахнулась, и на пороге появился Музыкант. В смокинге, бодрый и веселый! А за ним стояла его нарядная жена! А за ними, в конце коридора, были стеклянные двери, за которыми сиял хрусталем и свечами накрытый стол!

Гости хохотали. Все были в ударе. Поэт читал новые стихи, Художник делал наброски-шаржи, Актер пригласил на премьеру, а Композитор сказал, что свою новую симфонию посвятит Музыканту. Тут уж и сам Музыкант сел к инструменту и размял пальцы.

– Пьер Булез, – негромко сказал он. – Инвенция. Первое исполнение в России.

Гости были в восторге. Гениально. Уникально. Глубоко. Высоко.

– А теперь сюрприз! – и он весело включил магнитофон.

Запись того, что говорили гости, сидя в пустой комнате.

Оказывается, Великий Музыкант был не просто старый дурак, маразматик, алкоголик и наглец, и жена его дура, и дочка блядь.

Мало того! Кое-кто назвал его *просто бездарью*.

Впрочем, другие считали, что он все-таки не без способностей.
Но полагали, что его слава сильно раздута.

ende gut – alles gut **Золушка, третий пересмотр**

Мама у Зои Ложкиной умерла, когда она была еще маленькая, и ее папа, товарищ Ложкин, начальник секретного предприятия «Ураган», женился на злой и красивой женщине, бывшей артистке. Так что у Зои была мачеха и две старшие сводные сестры. Своих родных дочек мачеха баловала: разрешала им носить брюки и кеды, коротко стричься и курить в подъезде. А Зою она заставляла ходить в нарядном платье и в чулочках, заплетать две косы и укладывать их на макушке, мыть руки, учить английский и музыку. Даже дома Зоя ходила в парчовых туфельках с хрустальными шариками. «Вот Зоюшка хорошая девочка, не то что мои халды!» – говорила мачеха соседкам, а Зоя заливалась горькими слезами.

Потому что ей очень хотелось попасть в компанию, где гуляли ее сестрички. Там главным парнем был молодой художник Паша, волосатый и небритый, в мятом свитере и бутсах на босу ногу. Он Зое почти каждую ночь снился, так что по утрам от ее подушки пахло масляными красками. Но сестры смеялись над Зоей и не брали ее с собой.

Вот она уже школу закончила, поступила в институт, сестры уже по два раза развелись успели, а дома все то же: строгий папа товарищ Ложкин, и мачеха под его дуду пляшет: «Зоюшка у нас краса семьи, вымой голову, завтра экзамен».

А завтра, кстати, у художника Паши день рождения. Сестры туда идут, но Зою не берут: «У тебя и одежды-то нормальной нет! Сиди, учи уроки, целка!»

Сидит Зоя, горько плачет. Вдруг входит фея. Взмахнула рукавом, платье превратилось в свитер, колготки – в рваные джинсы, а парчовые туфельки – в разношенные кеды.

Дальше все как в сказке было: Паша только с ней одной танцевал и обнимался, а потом сестры рассказывали: «Там одна такая телка была, Пашка на нее конкретно запал, но потом она вдруг свинтила, он даже нажрался со злости».

Так она три раза ходила, и в последний раз художник Паша уже крепко ухватил ее за ногу, но она выдралась, хотя оставила левую кеду у него в руках. Паша заткнул кеду за пояс и поклялся, что хозяйку найдет и трахнет.

Все думали, что он просто так говорит. Но он на полном серьезе присматривался к проходящим мимо ножкам.

Однажды идет Зоя Ложкина из института, а Паша навстречу, в тоске ее левую кеду на шнурке вертит.

Зоя говорит:

– Молодой человек, а это случайно у вас не моя туфелька?

– Гы! – говорит Паша. – Ты-то здесь при чем, отличница?

А Зоя вытащила из портфеля правую кеду и ему протянула. Он сразу все понял, обнял ее и закружил. И повел к себе. Потом они поженились.

Тут приватизация и реформа. Предприятие «Ураган» ликвидировали, товарищ Ложкин из важной номенклатуры стал скромным пенсионером, членом КПРФ. Мачеха уехала в Израиль к своей двоюродной (а ведь скрывала, скрывала!) сестре.

Но зато художник Паша стал богатый и знаменитый.

Добрая Зоя простила своих злых сестер и выдала их замуж за преуспевающих галеристов.

летят они в дальние страны

Птички

Вдруг случается какая-нибудь ерунда, и отношения разлаживаются и охлаждаются. Хотя это сущая чепуха и мелочь.

В самом деле: если бы я внезапно узнал, что моя возлюбленная – агент британской разведки, или член женской секции ку-клукс-клана, или была любовницей моего злейшего врага как раз в то время, когда он меня теснил и преследовал... хм! Даже интересно! Но вряд ли бы я резко ее разлюбил. Наоборот, это придало бы нашим отношениям некую пикантность.

Но вот какая история получилась у меня.

Когда-то, лет шестьсот тому назад, я любил одну во всех отношениях прекрасную девушку. Ну, в смысле женщину.

Она была красива, но не просто, а *признанно красива*, то есть все вокруг, и старые приятели, и новые знакомые, согласно считали ее очаровательной, прелестной. Она была высокообразована и положительно умна. Она была прекрасно воспитана, отлично держалась в любой компании. Плюс к тому – из очень хорошей семьи; уважаемая в своем кругу фамилия.

Но самое главное – она любила меня. Все эти сокровища были подарены мне.

Конечно, я сам был во всем виноват.

Я написал рассказ. И дал ей почитать.

Она взяла со стола остро очиненный карандаш и уселась в кресло; она была в халате; тонкая пачка машинописи лежала на ее перламутровом колене. Я на секунду забыл обо всем, кроме этого колена. Я стал у нее за спиной и положил ей руки на плечи.

– Не мешай! – засмеялась она.

– Не буду, – сказал я, прислонясь щекой к ее виску.

Она читала, по ходу дела исправляя опечатки. Да, там были пропуски букв. Например, «к сожлению». Или «послобеденный». Но ведь и так все понятно, зачем же отвлекаться на исправления? Мне это было странно.

Потом я увидел, что она ставит на полях галочки.

– Что это? – спросил я.

– Стиль, – сказала она, запрокинув голову. – Где надо поправить стиль, я ставлю *птички*.

Я склонился над ней, чтобы поцеловать ее запрокинутое назад лицо – я стоял за спинкой кресла, – и вдруг увидел ее лицо в перевернутом виде, мой умственный взор не поправил меня, и ее лицо показалось мне инопланетным, страшным: круглый выступ лба казался нижней челюстью без рта...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.